

Иван ЗАБЕЛИН

РЯСЦВЕТ РУССКОГО ЯГОУЩЕСТВА

Неведомая Русь

Иван Забелин

Расцвет русского могущества

«ВЕЧЕ»

Забелин И. Е.

Расцвет русского могущества / И. Е. Забелин — «ВЕЧЕ»,
— (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8619-1

Вниманию читателей предлагается первая часть второго тома известного труда русского историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1909) – «История русской жизни с древнейших времен», издававшегося с 1876 по 1879 год. В настоящей книге историк обратился к заре древнерусской государственности, временам первых великих князей – от легендарного Рюрика до Владимира. Анализируя ранние письменные свидетельства Древней Руси – договоры с Византией, – И. Е. Забелин размышляет о внешней и внутренней политике молодого государства, о возрастающей роли великого князя, о нравственной сути славянского язычества.

ISBN 978-5-4444-8619-1

© Забелин И. Е.
© ВЕЧЕ

Содержание

Глава I. Заселение русской страны славянами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иван Забелин
Расцвет русского могущества

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2016

Глава I. Заселение русской страны славянами

Древнейшее начало русской истории. Откуда взялись новгородские словени? Появление славян в Европе. Их первобытная культура. Их первоначальные обиталища. Их первоначальное имя. Древнейшие торговые пути по нашей стране. Венеды – словени, промышленники и коренные колонизаторы нашего Севера. Следы их поселений от устьев Немана и до Белоозера. Словенская область Новгорода

Первая страница русской истории, и самая достоверная страница, была написана в то самое время, почти в тот же самый год, когда впервые огласилось в истории и русское имя. Она написана знаменитым цареградским патриархом Фотием в его окружной грамоте к восточным святителям, в которой он впервые обличает Западную церковь в отпадении от православия, в несправедливых захватах, в высокомерии и властительстве, – где, следовательно, строгая и точная правда каждого слова служила ручательством святой истины всего дела.

Патриарх Фотий справедливо почитается светилом учености и образованности своего века. Этот век (девятый) ученые не без основания именуют веком Фотия, потому что «во все продолжение существования Греческого царства, от Юстиниана до падения Византии, никто не принес столько услуг наукам, как патриарх Фотий». При нем положено начало славянской образованности в переводе священных книг на славянский язык. Славянский первоучитель святой Кирилл был учеником Фотия.

Что касается церковной распри между Востоком и Западом, подавшей повод к написанию упомянутой грамоты, то она возникла все из-за той же Болгарии, тогда еще ново-рожденной в христианской истине. Латинский Запад в лице римского папы во что бы ни стало хотел забрать новую паству со всею ее землею в свои руки. С этой целью он послал к новопросвещенным своим епископов и стал сеять на новой ниве свои западные плевелы и мудрования. Дабы положить конец властолюбивым притязаниям, Фотий окружной грамотой призывал святителей решить дело собором и поставлял на вид, как благоприятное для борьбы знамение времени, крещение болгар и русских, говоря, что если и языческие народы отлагают свои старые заблуждения и приходят в разум истины, то, по благодати Божией и содействием собравшихся святителей, возможно будет исторгнуть и западную ложь.

«Не только болгарский народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, – писал он, – но и тот народ, о котором многие многое рассказывают и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый рос, который, поработив живущих окрест него и возгордясь своими победами, воздвиг руки и на Римскую империю – и сей, однако, ныне переменял языческое и безбожное учение, которое прежде содержал, на чистую и правую христианскую веру и вместо недавнего враждебного на нас нашествия и великого насилия с любовью и покорностью вступил в союз с нами. И столь воспламенила их любовь и ревность к вере (благословен Бог вовеки! – взываю я с Павлом), что и епископа, и пастыря, и христианское богослужение с великим усердием и тщанием приняли»¹.

Это было написано в 866 году.

Смысл этих немногих слов очень обширен: в нем заключается, можно сказать, изображение целого периода русской истории, изображение первоначального возраста русской народности. Народ, о котором уже в 866 году многие из греков многое рассказывали, успел к тому времени достаточно окрепнуть на своем месте и пораздвинуть свои силы по сторонам. Он успел уже поработить окрестные племена и, возгордясь своими победами, победоносно

¹ Разговоры между испытующим и уверенным о Православии. СПб., 1815. С. 171. (В настоящем издании частично сохранены авторская орфография и оформление библиографических сносок. – Примеч. ред.)

явился даже под стенами самого Царьграда. В жестокости и кровопролитии он превосходил все народы... Такими выражениями византийцы всегда обозначали особенную силу и могущество своих врагов. Наконец, оставив язычество, этот народ принял святое крещение и с любовью и покорностью вступил в союз с греками.

«Происшествие важное для всей христианской церковной истории», — замечает Шлецер.

Рассуждая об этой дорогой для нас Фотиевой повести и по своей норманнской системе никак не желая признать в этом достославном роде наших руссов киевских, Шлецер все-таки принужден был сказать, что здесь рисуется «многолюдный и ужасно сильный народ, который не составлял простой разбойничьей шайки, бегающей с места на место, а был сильным завоевательным народом, не знавшим ни кротости, ни уступчивости, с которым византийский двор, даже и после испытанного нашествия и великого насилия, почитал необходимым войти в союз и заключить мир, и привлек его к тому богатыми подарками из золота, серебра и дорогих одежд»². После таких свидетельств и заключений критики становится очень понятным, что руссы, попавшие в 839 году к немецкому императору Людовику на Рейн, действительно могли быть только руссы киевские, ездившие в Царьград от своего кагана для заключения союза с греками, хорошо знавшие круговой Варяжский путь по морю и мимо Новгорода и потому возвращавшиеся к Балтийскому поморью по западной окраине, вероятно, из опасения пройти в малых силах Русским путем по степному Днепру. Очень понятным становится и то обстоятельство, почему хазары в 834 году строят на среднем Дону крепость Саркел³ — не против печенегов, как обыкновенно толкуют, а, несомненно, против того же роса, ибо помещение крепости на речном перевале из Дона в Волгу обнаруживает заботу и опасение больше всего со стороны водяных сообщений, чем со стороны конных степных печенежских набегов, для которых прямая и ближайшая дорога к хазарской столице лежала гораздо южнее, сухим кочевым путем, и была для печенегов сообщнее.

Итак, в 866 году в Греческом царстве русь уже славилась как народ, совершивший все те подвиги, посредством которых создается полное начало народной самобытности и самостоятельности. Русь покорила окрестную страну, проложила свободный путь в Царьград, заставила лстивого грека искать с нею союза и договора и как бы в удостоверение, что обнаруженные кровожадность и жестокость, т. е. сила и могущество молодого народа, происходят не от дикой и вполне варварской разбойной стихии, а от стремлений гражданских, склонилась даже к христианской вере.

Все это было еще до 866 года. Этот год представляется рубежом особенной, древнейшей русской истории, о которой мы знаем очень немногое. Но замечательно, что те же короткие слова Фотия в полной мере прилагаются и к истории того столетия, которое по пятам следовало за первым годом русской славы. Все, что начальная летопись рассказывает о временах Олега, Игоря, Святослава, Владимира, есть только дальнейшее развитие тех же самых подвигов: покорение окрестных народов, походы на Царьград, мирные договоры с греками и в конце — всенародное принятие Христовой веры — вот чем было исполнено движение русской жизни включительно до времен святого Владимира.

Естественно предполагать, что и начертанная Фотием история со своими славными, но неизвестными нам делами и событиями продолжалась несколько десятков лет, а может быть, целое столетие. Мы указали на два события, дающие довольно явные намеки о том, что в

² Шлецер А. Нестор. Русские летописи, II. С. 51, 79, 81, 88.

³ Имя Саркела, по всему вероятно, сохраняется в теперешней речке Сакарке, текущей в Дон со стороны Волги и впадающей в него верст на 10 ниже Качалинской станицы, где некогда существовала так называемая Царицынская линия — земляной вал с крепостцами от набегов кубанских. Можно также полагать, что знаменитый в донской истории Паншин городок стоял у устья этой речки, быть может, на месте древнего Саркела, ибо река Сакарка именуется теперь и Паншинкой. В конце XII века еще существовали развалины этого города, называемого тогда Серклией.

30-х годах IX столетия в Русской стране что-то происходило: посылались в Царьград послы, хазары строили крепости... Наша летопись об этом времени ничего не помнит и начинает говорить о русских делах почти с того только года, в который написана была повесть Фотия. Очевидно, что все годовые числа летописи, приставленные к первым русским временам, в действительности представляют, по словам Шлецера, одно ученое вранье, основанное летописцем на невинном соображении, что, когда в греческом летописании впервые появилось русское имя, с того только года началась и самая жизнь Руси.

В воспоминаниях детства трудно говорить о верности годовых чисел, а в воспоминаниях народного детства целые десятки и сотни лет застилаются событием одного года, который и выставляется вперед сообразно умствованию первого летописца.

Но если легко отринуть начальную годовую таблицу, в которой с такой правильностью расставлены отдельные случаи наших народных преданий, то очень нелегко, да и совсем невозможно одним росчерком пера, так сказать, отрезать эти предания от настоящей истории народа⁴.

Предания, если только их в источнике нет и следа сочинительских литературных сказок-складок, если они рисуют жизненную правду и идут от основных великих народных движений или народных героических дел, каковы предания нашей летописи, – такие предания очень живучи: они сохраняются в народной памяти целые века и даже тысячелетия. Они особенно крепко и долго удерживаются в народном созерцании, если народная жизнь и в последующее время течет по тому же руслу, откуда и первые ее предания, если к тому еще народ не знает писаного слова или мало им пользуется.

Основные черты древнейших русских преданий, которые невозможно определить годами, заключаются в том, что славяне разошлись по своим странам от Дуная, что Христово учение было проповедываемо славянскому языку еще самими апостолами и их ближайшими учениками, – это для общей славянской истории. В частности, для Русской земли первые предания свидетельствуют, что некоторые русские племена – радимичи, вятичи – пришли в Русскую землю от ляхов, т. е. от западных славян, что в самом начале в Русской стране господами были на севере варяги, приходившие из-за моря, на юге хазары, тоже приморские жители; что, следовательно, страна находилась в зависимости от своих морей, на севере от Балтийского, которое так и прозывалось Варяжским, на юге от Каспийского, Азовского и Черного, так как хазары господствовали на этих южных морях.

О дани хазарам поднепровского населения говорит византийский летописец Феофан в начале IX века. О варягах наша летопись помнит, что они как пришельцы, колонисты, насе-

⁴ Почтенные историки г. Костомаров (Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1873) и за ним г. Иловайский (История России. М., 1876) период летописных преданий совсем отделяют от достоверной истории, которую г. Костомаров начинает с Владимира, а г. Иловайский – с Игоря. Нам кажется, что таким образом можно начинать рассказ или повесть русской истории откуда вздумается, ибо никак нельзя объяснить, почему история Владимира достовернее истории его отца Святослава или почему история Игоря достовернее истории Олега? Предания летописи и истинные события, твердо засвидетельствованные иностранными и притом современными писателями, пополняют и объясняют друг друга, ибо в нашей летописи нет ни одного предания, которое хоть сколько-нибудь противоречило бы общему ходу исторических дел первоначальной Руси. Все зависит от того, как смотреть на сами предания. Если допустить, что это народные сказки и песни, а о сказках и песнях будем рассуждать не более того как о произвольных и праздных вымыслах, совсем забывши, что сам же народ песню называет былью, то, конечно, мы легко смешаем и предания в одну кучу с книжными измышлениями и разными побасенками, сочиняемыми для удовольствия и забавы праздных слушателей. Каждое предание неизменно есть истина историческая, прошедшая только в устах народа поэтический путь мифотворения, как выражаются лингвисты и мифологи. Для раскрытия такой истины от мифической одежды недостаточно одних здравых суждений современной образованности, недостаточно одной, так сказать, литературной критики, какую главным образом представляет нам труд г. Костомарова («Предания первоначальной русской летописи» в «Вестнике Европы», 1873. Кн. 1, 2 и 3). Здесь необходимо устанавливать свою критику в кругу тех народных понятий и представлений, какие господствовали у народа в возрасте его мифотворения, и необходимо каждое предание испытывать началами этого мифотворения, но не началами литературного вымысла, причем и сами слова «вымысел», «вымышленные черты» могут только затемнять истинное значение предания, ибо предания народ не вымышляет; они нарождаются сами собой; их создает истина самой жизни.

ляли все знатные города севера, и что сами новгородцы хотя и были *словени*, но были варяжского происхождения, т. е. колонисты с Варяжского моря, а эту заметку можно объяснить не только заселением, но и торговой промышленностью новгородцев, сделавшихся по своей промышленности истыми варягами. Затем предание говорит, что север изгоняет варягов и потом призывает к себе князей от варягов-руси, что от этой варяжской руси прозывалась Русю и вся земля.

Далее, наше предание хотя и дает начало Киеву от туземца Кия, но выставляет также на вид, что в оное время этот город был собственно варяжской колонией Новгорода. В одном из поздних списков летописи даже прямо сказано, что первые поселенцы Киева были варяги⁵. Затем предание уже с видом полной достоверности говорит, что все северные люди, призвавшие князей-варягов и впереди их сами варяги собираются под предводительством Олега, идут на юг, захватывают Киев и остаются в нем на вечное житье. Здесь все варяги, славяне и прочие прозываются русью, начинают покорять окрестные племена, а затем ходят на Царьград.

Связь всех этих преданий не только не противоречит рассказу Фотия, но и подтверждает его. Самое уверение летописца, очень настойчивое, что страна прозвалась Русью от варягов-руси, явившихся освободителями народа от чужих даней, совпадает тоже с далеким преданием, записанным в византийской хронике под 904 годом, где между прочим говорится, что «россы прозвались своим именем от некоего храброго Росса, после того, как им удалось спастись от ига народа, овладевшего ими и угнетавшего их по воле или предопределению богов»⁶.

Несомненно, что это предание для Киевской страны имело то же значение, как для радимичей и вятичей предание об их происхождении от ляхов, т. е. от западной ветви славян; как и предание о новгородцах, что они, бывши в начале словенами, сделались потом отродьем варягов. Для подобных преданий годовых чисел не бывает, и потому они могут относиться к незапамятной древности.

Киевская сторона, прилегая к широким кочевым степям, находясь на перекрестке народных движений с востока на запад и с севера на юг, должна была с незапамятных времен не раз подвергаться завоеваниям и угнетениям и при благоприятных обстоятельствах снова возрождаться в прежней свободе. При Геродоте, за 500 лет до Р. Х., над скифами-земледельцами господствовали скифы-кочевники. В конце I века до Р. Х. Диодор Сицилийский рассказывает, что кочевых скифов вконец истребили размножившиеся и усилившиеся сарматы, которые под именем роксолан сразу после скифов становятся господами всей нашей Черноморской уkraine. Страбон распространяет жилище роксолан до крайних пределов известного тогда Севера. Очень ясно, что роксоланы и были освободителями днепровского народа от угнетения скифов. Было ли это имя туземным, или оно принесено северными людьми, об этом мы ничего не знаем; но из положения очень давних торговых связей Балтийского моря с Черным и Каспийским — можем не без оснований гадать, что такое имя могло быть принесено и от Севера. Затем в IV столетии на днепровские места случилось нашествие готов, против которых, пользуясь приближением уннов, первые восстали именно росомоны, или роксоланы, и вместе с уннами прогнали их от Днепра. С тех пор в стране от устьев Дона до устьев Дуная господствуют унны. Мы почитаем этих уннов вендами, или ванами скандинавских саг. Их именем, как потом именем руси, или прежде именем роксолан, как всегда бывало, покрывались все местные племена, и славянские, и кочевые. При появлении уннов имя роксолан исчезает, но исчезает ли их свобода, неизвестно. С течением времени от внутренних усобиц унны ослабели, и чтобы совсем их искоренить, греки призвали аваров, кото-

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. V. С. 88; Софийская летопись. Т. VII. С. 268; Воскресенская летопись.

⁶ Гедеонов С. Варяги и Русь. Ч. 2. С. 479.

рые снова угнетают страну. Через 200 лет страна снова освобождается и от аваров уннами-бугарами, но вскоре снова подчиняется новым властителям, хазарам.

Таким образом, угнетения и освобождения днепровской страны отмечены историей не один раз. И вот объяснение, почему в Киеве жило предание не о Росе – родоначальнике, как у радимичей и вятичей о Радиме и Вятке, но о Росе – освободителе от иноземного ига. Такие предания вполне достоверны уже потому, что они всегда изображают, так сказать, самое существо народной истории. По этим преданиям можно заключить, что быт радимичей и вятичей до подданства их хазарам проходил мирным растительным путем, в то время как быт днепровских полян время от времени, не один раз, подвергался покорениям и освобождениям.

Как бы ни было, но связь всех преданий нашей летописи о Русской земле сводится к одному узлу, что жизнь Руси вообще поднялась от прихода северных людей. При этом предания указывают, что первое движение исторических дел началось в ильменской стороне, в ее главном городе, который прозывался уже Новым городом, следовательно, был потомком какого-то Старого города или старого периода жизни, совсем исчезнувшего из народной памяти. Об этом старом времени у летописца сохранялось только одно сведение, что славянское племя, пришедшее на Ильмень-озеро, прозывалось своим именем – *словенами*, что оно построило тут город, назвавши его Новгород.

Эти словени, как совсем особое племя, в первые два века нашей истории довольно точно отделяются своим именем от других соседних славянских же племен. Это была самая верхняя, т. е. самая северная ветвь всего славянского рода. Каким образом и в какое время забралось сюда это племя и по какому случаю оно оставило за собой имя словен – об этом летопись ничего не помнит. Однако это самое славянское имя, хотя ж не в полной точности (ставаны, свовены), почти на том же месте упоминается уже в географии II века по Р. Х.

Существует ли какая-то связь между голым именем славян в древнейшей географии и началом нашей истории в IX веке?

Чтобы ответить на этот вопрос, чтобы узнать старую историю Нового города, нам необходимо поближе осмотреть первоначальную древность славянских поселений в нашей стране. Мы увидим, что не только появление на своем месте Новгорода, но и весь характер русской истории, как она обозначена в первое время, вполне зависел от древнейших связей и отношений балтийского славянского севера и черноморского греческого юга, проходившего по нашей стране именно теми путями, где сплошными поселками искони сидело и до сих пор сидит одно русское славянство.

Споры и рассуждения о том, когда пришли славяне в Европу и какой они собственно народ, азиатский или европейский, теперь вполне и навсегда упразднены рожденной на нашей памяти наукой сравнительного языкознания⁷. Она освободила славян от тьмы невежественных европейских предубеждений и предрассудков, которые и в науке, и в политике не выделяли достойного места славянству как народности, не сумевшей стать господином в своей земле и потому будто бы не имеющей равных дарований и талантов с остальными европейцами. Весьма точными и подробными исследованиями состава и истории европейских языков наука сравнительного языкознания утвердила теперь несомненную истину, что все европейцы, в том числе и славяне, родные братья между собой; что все они происходят от одного отца-прародителя, от одного народа – древних ариев, живших некогда, как предполагают, в Средней Азии, за Каспийским и Аральскими морями, наверху рек Сыр-Дарьи и

⁷ Лекции по науке о языке Макса Мюллера. СПб., 1865. Его же: Сравнительная мифология в летописях русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым. Т. V (Перев. И. Живаго); Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индо-германских языков А. Шлейхера. Приложение к VIII тому «Записок Императорской академии наук»; Древний период русской литературы и образованности А. Пыпина в «Вестнике Европы» (1875, ноябрь, декабрь; 1876, июнь, сентябрь).

Аму-Дарьи, в тех местах, где находится известный нам Ташкент и где лежат земли древней Бактрии. Та страна в древности так и называлась *семенем* ариев. Оттуда в течение многих веков и, быть может, тысячелетий разные племена арийцев мало-помалу разошлись в разные стороны, подобно тому как, по нашим преданиям, славяне разошлись от Дуная и Карпатских гор. Южные племена, индусы, передвинулись дальше к юго-востоку, в области рек Инда и Ганга; другие переселились на ближайший запад, в области нынешней Персии; иные потянулись вон из Азии на Европейский материк, т. е. на дальний запад и северо-запад от своей родины.

Вероятно, это происходило еще в те времена, когда Аральское, Каспийское, Азовское и Черное моря составляли одно Средиземное море между Европой и Азией, отчего и сухопутная дорога ариев в Европу должна была проходить в двух направлениях: для южных племен – по Малой Азии, для северных, именно для славян, по северным берегам упомянутых морей, по нашим прикаспийским и черноморским степям, через все реки, впадающие в эти моря из нашей равнины.

Имя *ариш*, как толкуют, значит «почтенные, превосходные».

Кто из европейских ариев пришел прежде, кто после, трудно судить, но, основываясь на теперешнем размещении европейских народов, естественно предполагать, что кто остался, так сказать, позади в этом шествии с востока, тот, конечно, и пришел после всех. По северу славяне и литовцы искони живут на востоке Европы, ясно, что если они шли по северному пути, то пришли сюда позднее других, в то время, когда все места дальше к западу были заняты. То же можно сказать о греках в южных странах Европы.

Предполагают, что первыми пришли кельты, итальянцы и вообще племена романские, занявшие крайний европейский запад, за ними греки, а уже потом германцы и славяне. Знаменитый первоначальник науки языкознания, Бопп, на основании исследований о языке славян и литвы высказал твердое убеждение, что эти языки должны были отделиться от своего азиатского корня позднее всех других европейских языков. Таким образом выводы лингвистики только подтвердили, так сказать, физическую истину, т. е. географическое местоположение нашего племени относительно других европейских арийцев.

Не менее знаменитый Шлейхер, напротив, думает, что от первобытного индоевропейского народа сперва отделилась и начала свое странствование та часть, из которой позднее произошли народы литво-славянский и немецкий. Другая часть выделилась позднее и населила юго-запад Европы племенами кельтов, италов, греков. Отделившись от первобытного корня, славяно-немецкая ветвь вначале составляла одно племя, один язык, один особый народ. Прожив долгий период времени единым племенем, она потом распалась на две части, литво-славянскую и немецкую. Где произошло это распадение, на дороге ли из Азии или уже по прибытии в Европу, узнать невозможно. После и литво-славянская ветвь, в свою очередь, точно так же распалась на две части, литовскую и славянскую, а наконец, и особая славянская ветвь разделилась на многие особые же отрасли. Некоторые (Гильфердинг) не соглашались с выводами Шлейхера об особом кровном родстве славян с немцами⁸. Но эти выводы, ввиду дальнейших исследований, очень важны в том отношении, что явственно обнаруживают если не коренное родство, то беспрестанные связи, соседство и взаимодействие между славянством и германством.

Таково предполагаемое родословное древо европейских народов и наших славян. По этому древу славяне оказываются родственниками, с одной стороны, немцам, а с другой – в особенности по звуковому составу языка, очень близкими родственниками очень далеким индусам. «Славянский язык, – подтверждает Бопп, – из европейских находится в самом

⁸ Гильфердинг А. Древнейший период истории славян // Вестник Европы. 1868, июль. С. 285.

близком родстве к санскриту», а санскрит есть древний язык индусов и древнейший, хотя и не первоначальный, язык всех арийцев.

Любопытнее и важнее всего тот вывод сравнительного языкознания, что прародитель европейцев, первобытный народ ариев, живя в своей стране, обладал уже такой степенью развития, которая совсем выделяет его из порядка так называемых диких людей. Он не был уже кочевым звероловом или кочевым пастырем скота, он был земледелец и жил в обстановке и в устройстве первоначального оседлого быта. Положительные сведения об этом добыты из *коренного* словаря всех арийских племен, который составил сам собой, как только были произведены сравнительные изыскания об однородности языка древнейших ариев. Отсюда и выведены несомненные истины, что прародитель арийцев умел устраивать себе жилище, дом, в котором были двери, печь из камня; что главное его имущество и богатство составлял домашний скот, коровы – говядо, быки, туры, волы, лошади, овцы, свиньи, поросята, козы и даже птица – гуси. При стаде и доме жила собака, но кошка еще не была домашним животным.

Главное его занятие было хлебопашество. Он орал землю ралом, сеял жито, семена которого могли быть полба, ячмень, овес, но рожь и пшеница появляются после; умел молотить зерно, печь хлеб, ел мясо вареное и даже чувствовал отвращение к сыромяткам, т. е. к дикарям кочевникам. Питался также молоком; употреблял в пищу и мед, и пил мед как хмельной напиток.

Кроме скотоводства и хлебопашества он знал и некоторые ремесла, знал тканье, плетенье, шитье; знал обделку золота, серебра, меди.

«Поэтому каменные орудия, находимые в Европе, – замечает Шлейхер, – не могли принадлежать индоевропейцам, потому что они знали металл до переселения сюда, и нельзя себе представить, чтобы народ с течением времени забыл его употребление. Стало быть, каменные орудия надобно приписывать древнейшему слою населения в тех странах, которые были заняты потом индо-европейцами.

Прародитель умел плавать в ладьях при помощи весла. Его умственное развитие выразилось в знании счета по десятичной системе; однако он считал только до ста.

Устройство людских связей и отношений было родовое; его корнем была семья, жившая союзом брака, единоженства. Степени и связи родства обозначались теми же самыми словами, какие живут и доселе: отец – батя, мать, сын, дочь, брат, сестра, нетий – племянник, зять, сноха, свекор, свекровь, деверь, вдова. Замечательно, что в языке прародителя существуют только слова для изображения мирных занятий и нет слов, обозначающих деятельность воинственную. Такие слова появились уже у поздних потомков, когда арийцы разделились и разошлись по странам.

Понятие о боге прародитель выражал тем же словом *бог*, *богас* – податель благ. Он поклонялся вообще существам природы, и прежде всего светлому небу – Диву, солнцу, заре, огню, ветру и матери-земле.

Таково было наследство, полученное европейцами от своего прародителя; таковы были rozdанные им таланты, с которыми они потом разошлись по своим землям. Развитие этих талантов у каждого отделившегося племени вполне зависело от обстоятельств времени и места, от того, с кем встречалось племя на пути, где поселялось в новых местах и кого имело у себя соседом. Так, греки в своем переходе с прародительской земли основались по преимуществу на морских берегах, по морям Средиземному и Черному, где встретили финикийцев и египтян – народы высокого развития, и сделались достойными наследниками их культуры. Морские берега, их особое количество и качество, повсюду благоприятствовали человеческому развитию, и потому кто поселялся на таких берегах, тот сразу приобретал неоценимое сокровище для дальнейшей жизни.

Благоприятное развитие италийских племен точно так же вполне зависело от количества и качества морских берегов, от этого многообразного европейского полуостровья, которое они заняли для своих поселений.

Отделившиеся от прародителя народы немцев и славян, по-видимому, с самого начала основались в луговых, лесных и горных местах срединной Европы. Здесь, по указанию Шлейхера, они присоединили к арийскому житю посев пшеницы и ржи и выучились варить пиво.

Конечно, не эти одни предметы характеризуют степень развития первобытных славян и германцев. Наука о языке указывает только примерные черты этого развития, которое полнее выяснится при дальнейших ее исследованиях. Но именно эти злаки и этот напиток уже достаточно объясняют, в каких местах, под какой широтой существовали первые поселения славян и немцев.

Выводы сравнительного языкознания очень важны для нас по преимуществу в том отношении, что они раз и навсегда утверждают неоспоримую истину, что славянское племя ни в какое время древнейшей, а тем более средневековой европейской истории не находилось на том уровне развития, который именуется вообще *диким*, что поэтому и Несторово изображение первобытной дикости русских племен во многом преувеличено для наибольшей похвалы родным полянам.

Если и самые прародители всех европейцев не были народом, похожим на цветных дикарей Америки и Австралии, как представлял себе наших славян знаменитый Шлецер, то все рассуждения о первобытной *медвежьей* дикости немцев и славян, говорит Шлейхер, по меньшей мере не имеют значения.

Понятия об этой дикости и особенном варварстве наших предков мы приняли по наследству от древних греков и римлян, которые не без особенной похвальбы самим себе почитали весь остальной мир диким и варварским. Так точно и теперь образованные и необразованные европейцы, тоже не без особой похвальбы самим себе, почитают нас, русских, полнейшими варварами, приняв это мнение тоже по наследству от греков и римлян, больше всего литературным путем. В глазах теперешнего европейца Россия есть та же Скифия греков и Сарматия римлян. Западная школа, как упрямая наследница школы латинской, и вся западная образованность учит эту истину уже более тысячи лет. Даже братья-славяне, особенно католики, как ученики той же латинской школы, точно так же смотрят на нас свысока и, по римскому взгляду, почитают нас тоже варварами. Не говорим о поляках, которые вместе с французами старательно доказывали в одно время, что мы даже и не славяне, а туранское племя.

Само собой разумеется, что арийское наследство, а именно земледельческий и оседлый быт, который славяне принесли в Европу, подобно евангельскому таланту, не составляло еще полного богатства. Оно заключало в себе только твердые основы для дальнейшего развития, такие основы, которые, несмотря на все превратности исторической судьбы нашего племени, все-таки спасали его от совершенной гибели и разорения, т. е. спасали от совершенного одичания. И это особенно должно сказать о восточном славянстве, так как ему одному из всех славян выпала на долю бесконечная борьба именно с кочевыми дикарями. В этом отношении восточное славянство больше других арийцев показало, насколько тверды и прочны были первобытные основы арийского быта. В своих беспредельных лесах и степях оно не было побеждено ни бесконечным пространством своей дикой равнины, ни бесчисленными полчищами своих диких врагов – кочевников. К тому же его богатые братья – европейцы никогда ему и не помогали. Напротив, и в древнее время, и в современной нашей борьбе со старыми кочевниками они употребляли все усилия, чтобы по возможности ослабить и разорить восточного бедняка уже только за то, что он скиф, что он сармат. Нужно

ли говорить при этом, какой дорогой ценой этот бедняк добывал и приобретал у своих богатых братьев плоды всякого просвещения, знания, образованности.

Арийское наследство славян, как мы сказали, заключалось в земледельческом быте со всей его обстановкой, какая создавалась из самого его корня.

Еще до распада на многие отрасли, живя единым первобытным племенем, славяне «были народ по преимуществу земледельческий». «Скотоводство у них было распространено больше, чем у германцев»⁹ несомненно по той причине, что они жили в лучших пастбищных местах, каковы были их приднепровские и придунайские степи. Любимым и самым сподручным их промыслом было бортное дупловое добывание пчел, т. е. добывание воска и меда. Еще фракийцы рассказывали Геродоту, что в землях, лежащих к северу от Дуная, столько водится пчел, что людям дальше и пройти нельзя. Известные доселе роды хлебов и овощей: рожь, овес, ячмень, пшеница, просо, горох, чечевица, мак, дыня и пр., плодовых деревьев – яблоня, груша, вишня, черешня, слива, орех, и лесных – дуб, липа, бук, явор, верба, ель, сосна, бор, береза; известные доселе земледельческие и другие орудия – плуг, орало, серп, коса, секира, мотыга, лопата, нож, долото, шило, игла, как и хозяйские устройства – гумно, мельница, житница, не говоря о доме и дворе с различными постройками, о деревне – веси и т. д.; известные доселе ремесла – коваль-ковач (кузнец), гончар, ткач, суконщик и пр., а следовательно, и разные предметы ремесленных изделий – все это было известно еще народу-прародителю всех славянских племен. Он знал стекло, корабль, полотно, сукно, одежду – рубаху, ризу, плащ, обруч, браслет, перстень, печать; копье, стрелы, меч, стремя; он знал письмо – книгу (доску), образ в смысле рисунка; он знал гусли, трубу, бубен.

Домашнее и общественное устройство людских отношений и связей и у прародителей было такое же, какое находим и у всех разделенных племен. Слова: земля, народ, язык, племя, род, община, князь, кмет, воевода, владыка, староста, не говоря об именах родства, все принадлежат языку прародителя. Существовали уже понятия закона, правды – права, суда. Существовал торг, мера, локоть, пенязь (деньги), взятый едва ли от готов – германцев, а по всему вероятно, принадлежавший обоим народностям с незапамятного времени¹⁰.

В прародительском языке нет только слов, ясно определяющих понятия о личной собственности и наследстве, и поэтому такие слова у разных племен различны. Это объясняется общей чертой славянского быта, не выдвигавшего личность на поприще деяний самовластных, государственных, самодержавных, но всегда ограничивавшего ее правами рода и общины. Личность в римском и немецком стиле для славян была созданием непонятным, и потому в их быту и не существовало никаких правовых ее качеств.

Сравнительное языкознание выводит также предположение, что славяне и братья их – литовцы переселились в Европу уже в том веке, когда вошло в употребление железо. Древние арийские переселенцы знали только золото, серебро, медь, бронзу (смесь меди с оловом). Железо было очень хорошо известно уже геродотовским скифам. Они употребляли железные мечи, удила, пряжки, обтягивали колеса железными шинами, скрепляли колесницы железными полосами. А так как имя железа известно было уже древним индусам и в их языке имеет корни, то очевидно, что славяне принесли в Европу это имя и самый металл, отделившись от индусов после всех своих европейских братьев.

Из этого короткого обзора первобытных очертаний славянского быта выводится одно заключение, что первоначальная культура славянства едва ли в чем уступала культуре древних германцев; во многом она даже и превосходила германскую, именно превосходила особым развитием по преимуществу земледельческого быта со всеми его потребностями и со всей обстановкой. Самый плуг, по уверению Шлейхера, заимствован немцами у славян. Во

⁹ Пытин А. Древний период русской литературы // Вестник Европы. 1875, ноябрь. С. 118.

¹⁰ Воцель Я. Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности. Киев, 1875.

многих местах Средней и Южной Германии славяне в свое время были учителями земледелия; там и поныне глубокие и узкие борозды называются вендскими¹¹.

Поэтому необходимо заметить, что все, что рассказывают исследователи-патриоты о влиянии в древнейшее время немецкой культуры на славянскую, требует основательной проверки, ибо немцы во всех ученых, общественных и политических случаях идут всегда от предвзятой истины, что славянский род есть низшая степень перед германством и с незапамятных времен всем обязан просветительной деятельности германцев. Исторические и культурные отношения последних веков они переносят чуть ли не ко временам Адама.

«Было бы решительно странно, – говорит Шлейхер, – если бы славянский язык вовсе не имел слов, заимствованных из немецкого, тогда как славяне и немцы с незапамятных времен были соседями и когда немецкие племена раньше славян приобрели историческое значение. Само собой становится правилом, что значительнейший народ обыкновенно сообщает важные культурные слова народу, занимающему низшую ступень развития... Поэтому вполне понятно, если в славянском (языке) мы находим такие важные слова, как *князь*, *хлеб*, *стекло*, *пенязь*, заимствованные из немецкого».

Эти слова обозначают культурные предметы, которых славяне, стало быть, не знали до тех пор, пока не встретились с немцами. Но когда это было? Вопрос крайне любопытный, тем более что упомянутые слова принадлежат славянскому прародителю или тому времени, когда славянство еще составляло один род и не разделялось на ветви. Это такая древность, о которой не помнит никакая история, а в лингвистике хронология еще только предчувствуется.

О *пиве* достоуважаемый ученый замечает, что различие в немецком и славянском его названии таково, что нельзя и думать о заимствовании, и потому относит изобретение этого напитка к тому времени, когда славяне и немцы составляли один коренной народ. Но, быть может, при более тщательных исследованиях окажется, что и все другие слова точно так же принадлежали языку и культуре этого славяно-немецкого корня, или, вернее, такой древности, где и славяне, и немцы стояли во всех отношениях на одном уровне развития.

О слове *князь* он говорит, что оно могло быть заимствовано у немцев еще в коренной литво-славянский язык, т. е. когда славяне не отделялись еще от литвы, хотя уже вместе с литвой отделились от немцев. Вот в какое время немцы уже были господами славян. Так может заключать каждый простой читатель, ибо слово *князь*, как и позднейшее *барон*, обозначает известного рода власть, родовую или общинную, и должно было появиться у славян в одно время с понятием об этой власти, почему исследователь и называет заимствование этого слова важным. Пусть сама лингвистика судит о достоинстве лингвистических доказательств в подобных выводах; но так как эти выводы получают значение исторических фактов, то они по необходимости должны быть проверены историческими и даже этнологическими отношениями, которые всегда бывают несравненно понятнее для простого разумения. Наши лингвисты очень основательно доказывают, что слово *князь*, хотя и общего происхождения с немецким *kuning*, однако у славян и литвы определилось в своем значении самостоятельно¹². Общее происхождение славян и немцев, утверждаемое Шлейхером, больше всего говорит и за общее происхождение от одного родного корня подобных слов.

Слово *хлеб*, в смысле испеченной круглой формы, дает повод немецким ученым доказывать, что «искусство хлебопечения перешло к славянам от немцев». Значит, славяне, усердные хлебопашцы, принешие умение печь хлеб еще от арийского прародителя, все-таки до времени знакомства с немцами питались киселем или блинами и не знали, какую форму дать приготовленному тесту. Слово *хлеб* во всех германских, в литовском и во всех

¹¹ Касторский М. Начертание славянской мифологии. СПб., 1841. С. 103.

¹² Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. С. 163–166.

славянских языках имеет однородную форму и большая родня латинскому (*libum*) и греческому *кливанон*. «В Греции это слово было очень старо, – говорит Ген, – но попало туда, может быть, из Малой Азии. Из Греции оно, через посредство промежуточных народов, фракийцев, паннонцев и т. д. перешло к немцам, которые в свою очередь передали его *далее* литовцам и славянам». Но славяне искони жили у Дуная и на Днепре, т. е. несравненно ближе немцев и к грекам, и к Малой Азии. По какой же необходимости учиться хлебопечению они должны были идти к немцам, в средину тогда еще глухой Европы, а не к южным соседям – грекам! Быть может, то же самое должно сказать и о стекле, как и о других подобных культурных словах.

Любопытно также рассуждение Гена о плуге, первое употребление которого, вопреки Шлейхеру, он присваивает немцам. «Собственный плуг, – говорит он, – в несколько колен, с железным сошником, а в дальнейшем развитии и с колесами, – сделался впервые потребностью только тогда, когда в течение столетий почва мало-помалу стала освобождаться от корней и камней, и земледелие потеряло свой кочующий, добавочный характер. С этого времени, когда северо-восточные народы частью проникли из своих лесов и со своих пастбищ на юго-запад, частью получили оттуда образовательные начала всякого рода, идет германо-славянское выражение *Pflug*, *плуг*. Историю этого слова можно проследить довольно хорошо. У Плиния (кн. 18, 48) находим известие: “Недавно в Галльской Реции изобретено прибавлять к нему (плугу) два маленьких колеса, что называется *pluimorati*”. Хотя чтение ненадежно и форма слова темна, – говорит автор, – но в этом названии осмелимся находить древнейшее упоминание позднейшего плуга». Он указывает, что слово *plovum*, *plobum*, *плуг* упоминается уже в середине VII века в Лангобардских законах. «Из Германии, – продолжает автор, – это слово перешло потом к славянам, когда и эти последние – как всегда, позади и после германцев – обратились к высшим формам земледелия. Наоборот, немецкий земледельческий язык заимствовал многие славянские выражения в те юные времена, когда славянские племена проникли в сердце нынешней Германии и должны были, в качестве крестьян, работать на своих немецких господ»¹³.

В темном и ненадежном слове *pluim – orati* можно восстанавливать целое славянское речение *плоугом орати*, которое как нельзя яснее выражает то, что сказал Плиний. Нам неизвестно, как думают об этом слове славянские лингвисты; но во всяком случае оно заслуживает их внимания. Галльская Реция на севере граничила с Винделикией, находившейся между Верхним Дунаем и Инном, где город Аугсбург. Винделикия, присоединенная к Римским областям императором Августом, указывает на имя вендов-славян, от которых колесный плуг и мог перейти в Галльскую Рецию¹⁴. Логически выводя употребление плуга от того времени, как лесные нивы уже достаточно были вычищены от корней и камней, или когда немцы вышли из лесов и поселились в южных полях, автор вовсе не имеет в виду того обстоятельства, что славяне с первых же своих поселений в Европе (около Днепра) основались в черноземных степных местах, где одним ралом или сохой всего сделать было невозможно и где по необходимости приходилось выдумывать плуг, который для этого и упал скифам прямо с неба, как свидетельствовали их предания. Из своих степей славяне отнесли его и дальше к западу, в сердце Германии. В этом случае изобретателем была, так сказать, сама почва, на которой кто жил. Долгое время люди могли довольствоваться и первобытными орудиями, но потом сама почва заставила пахать и на колесах, и в несколько пар волов.

Но вообще все подобные выводы о культурных заимствованиях между древними народами, по справедливому замечанию Шлейхера, «могут быть решены только обширными и строгими исследованиями, которые ожидаются еще в будущем».

¹³ Ген В. Культурные растения и домашние животные. СПб., 1872. С. 328–330.

¹⁴ Это служит доказательством, что Винделикия была славянская земля.

Развитие средневековой варварской Европы отличалось у всех племен значительной однородностью и, можно сказать, общим единством в том смысле, как и теперешняя образованность Европы при всем различии народностей заключает в себе много общего, однородного, единого. Причинами этого служили не только однородность происхождения, но и одинаковые условия быта, отчего повсюду встречаем сходные нравы и обычаи, сходные предания и верования, сходные формы всяких вещей и предметов внешней обстановки этого быта.

Варварская культура, находясь под влиянием римлян на западе и греков на востоке, стала двигаться заметными шагами к совершенствованию и разнообразию только с той поры, когда неустроенная политически и почти во всем сходная толпа варваров стала расчленяться на особые, отдельные друг от друга, политические тела, называемые государствами. С этой минуты начинается и различие в культуре западных народностей: передовое движение одних и отставание других, смотря по условиям места и исторических обстоятельств. С этой поры и идут так называемые культурные заимствования низших народов, мужиков, у высших – господ. Но такие заимствования история очень хорошо помнит и может их перечислить с полной достоверностью. Что же касается времени догосударственного или доисторического в быту варварской Европы, то здесь, как мы думаем, очень трудно, а в иных случаях и совсем невозможно сказать или доказать, кто стоял выше по культуре: кельт, галл, германец или венд-славянин. Все они были образованы одинаково и их культурная высота заключалась только в оседлом быте, ввиду которого римляне и отделяли их от варваров-кочевников, более свирепых и более неустроенных. Славяне, занимая середину между оседлыми, т. е. германцами, как понимали римляне, и кочевыми, т. е. сарматами, совсем терялись для истории или в имени Германии и германцев, или в имени Сарматии и сарматов. Оттого ученая история и не знает, где они находились до появления в летописях имени *словенин*, и, рассуждая совсем по-детски, признает это появление летописных букв за появление в исторической жизни самого народа.

Сравнительное языкознание, все более и более раскрывая глубокую древность арийских переселений в Европу, доказывает, между прочим, только одно: что славянский род должен был прийти в Европу позднее других, и если бы прошел северным путем, мимо Каспия, в чем нельзя сомневаться, и из Малой Азии, то нет также сомнения, что древнейшим и уже постоянным местом его первых земледельческих поселений были плодородные степи около Днепра. Сюда в первое время славяне должны были скопиться из всех степных обиталищ с пройденного пути, начиная от Каспия и Нижней Волги и через Нижний Дон, ибо в тех обиталищах, по-видимому, скоро показались кочевники, которые, размножившись в своих азиатских местах, быть может, погнали славян и из самой Азии.

В то время, когда Геродот (450 лет до Р. Х.) описывал нашу Скифию, германцы и славяне давно уже жили на своих коренных местах, и восточная окраина Европы, от берегов Черного до берегов Балтийского моря, по направлению Карпатских гор, необходимо была населена только славянами. В VI веке по Р. Х. они здесь живут многочисленными и даже бесчисленными поселениями, о чем говорят Прокопий и Иордан. С того времени до наших дней они живут на тех же местах почти четырнадцать столетий. Очевидно, что, восходя от VI столетия вверх к Геродоту (на девять столетий) и уменьшая эту многочисленность, мы необходимо должны встретиться с состоянием дел, как их описывает Геродот. По его словам, наша южная равнина в то время была занята от Днепра на восток кочевниками, от Днепра на запад – земледельцами. И те и другие у греков носили одно имя скифов; но в своих рассказах Геродот достаточно отличает кочевников от земледельцев. Он только мало различает древние предания обеих народностей и не указывает, что должно относить к оседлым и что к кочевым. Дело науки, расчленить эти предания и устранить ученый неосновательный обычай толковать о Скифах безразлично, как об одной кочевой народности.

Скифы говорили Геродоту, что начальное время их жизни у Днепра, когда царствовали у них *три брата* и упали к ним с неба золотые земледельческие орудия, случилось за 1000 лет до похода на них Персидского Дария, т. е. за 1500 лет до Р. Х. Это показание мы и можем принять как ближайший рубеж для определения времени первых заселений славянами европейских земель. Об адриатических венетах в начале II века по Р. Х. записано Аррианом предание, что они переселились в Европу из Азии по случаю тесноты и поражений от ассирийцев. Это новое показание может только подтверждать предание скифов, ибо славные завоевания ассирийцев относятся к тому же времени, с лишком за 1200 лет до Р. Х.¹⁵ Отыскивать в числе днепровских скифов каких-либо германцев или другой народ, кроме славянского, нет оснований. Тому очень противоречит именно седая древность арийских переселений и свидетельства истории от времен Геродота. Мы уже видели, что все арийцы не были кочевниками, но были земледельцами; поэтому, заселяя Европу, хотя бы наши южные степи, они должны прежде всего неизменно оставаться теми же земледельцами. При Геродоте такие земледельцы жили около Днепра и дальше на запад. Между Днепром и Доном жили кочевники. Затем и после Геродота до самых татар здесь живут тоже кочевники. О приходе с востока других каких-либо земледельцев, и притом во множестве, история не говорит ни слова; она описывает только нашествия кочевников. Из этого уже видно, что геродотовские днепровские земледельцы были последними пришельцами от арийского Востока, и если славяне шли позади всех других арийцев, то время Геродота застало их уже на Днепре.

Уже древние догадывались, каким способом могли происходить подобные переселения. Плутарх в «Марии» приводит современные ему догадки и толки о движении на Рим за 100 лет до Р. Х. кимвров (сербов?) и тевтонов. Кимвры и тевтоны двинулись из глубины Германии. Они искали земель для поселения. Они знали, что таким путем кельты заняли лучшую часть Италии, отнявши земли у этрурцев¹⁶. Все это показывает, что кимврам и тевтонам было тесно на своей земле и они решились искать новых мест более теплых, чем их родина. Все это показывает, что спустя 300 лет после Геродота в Германии чувствовался уже избыток населения, потому что вообще все передвижения народов поднимались не иначе как от тесноты, от недостатка корма, следовательно, вообще от размножения людей нарождением. По рассказам древних, кимвры и тевтоны не все вдруг разом и не непрерывно выходили из своих земель, но каждый год с наступлением весны все двигались вперед и в несколько лет пробежали войной обширную землю севера Европы. Это значит, что каждую весну, занимая новые места, они устраивали посев хлеба, дожидались жатвы и после зимнего отдыха, с наступлением новой весны, передвигались на новые места для пашни. За передовыми, конечно, следовали тем же порядком задние. Так и не иначе могли переходить с места на место народы земледельческие. Они останавливались там, где находили лучшие земли для жилища или где по случаю тесноты населения дальше идти было невозможно. Так и славянские племена должны были остановиться около Днепра, который не только сделался их кормильцем, но, по преданию скифов-земледельцев, он сделался их прародителем, ибо первый скиф родился от бога и дочери реки Днепра, в образе которой, быть может, обожествлялась сама река. Этот прекрасный миф, если он славянский, в чем мы не сомневаемся, сам собой уже свидетельствует, что коренное жилище древнейших славян, на пути из арийской родины в Европу, основалось прежде всего вокруг Южного Днепра. Отсюда с накоплением населения каждую весну славяне могли переходить дальше на запад к Карпатам и Дунаю; дальше на северо-запад вверх по самому Днепру, по Припяти и Березине к Балтийскому морю; вверх по Бугу и Днестру – к Висле и Одру, текущим уже прямо в Балтийское море. Точно так же еще в глубокой древности их жилища должны были распространиться и в восточный край

¹⁵ Гильфердинг А. Древнейший период истории славян // Вестник Европы. 1868. С. 256.

¹⁶ Этрурков. (Примеч. ред.)

по Десне, по Суле и по другим притокам Днепра до Рязанской Оки и до вершин Дона, куда направлялась черноземная полоса этих земель. При Геродоте в этих краях жили меланхлены – черные кафтаны. Геродот свою *древнюю* земледельческую Скифию располагает между Нижним Днепром и Нижним Дунаем. Наш летописец свидетельствует, что здесь в IX веке живут славяне и что страна их у греков называлась *Великой* Скифией, что значит тоже древняя, старшая.

Но в этой древней Скифии при Геродоте, по-видимому, жила только восточная, понтийская (русская) ветвь славянского рода. О балтийской, или вендской, ветви историк не имел понятия, потому что не знал, кто живет на дальнейшем севере от его Скифии. В восточной ветви он, однако, различает уже особые колена: алазонов, живших в Галиции и у Карпат, скифов-оратаев – наших полян, и скифов-земледельцев, георгов, обитателей Запорожского Днепра. В VII столетии по Р. Х. эти колена обозначаются довольно определенно по случаю переселения хорватов и сербов с Карпатских гор и из Червонной, или Галицкой, Руси, носившей в то время имя Белой (свободной) Хорватии, и болгар с низовьев Днепра и Буга. Оратаи-поляне остались на своих местах. Геродот указывает место и белорусскому племени в имени невров-нуров, которых южная граница начиналась у источников Днестра и Буга. О дальнейшем распространении их к северу историк не говорит ничего, но присовокупляет далекое предание, что еще до похода на скифов Персидского Дария, лет за 600 до Р. Х., эти невры, несомненно, более северные, переселились на восток в землю вудинов¹⁷. Мы уже

¹⁷ В первой части нашего труда, следуя прямым и точным показаниям Геродота, мы должны были указать местоположение страны вудинов, или будинов (Вавилон, или Бабилон, чтение Рейхлина или чтение Эразма, как кому угодно), к востоку и северу от Донского изворота вблизи Волги. Затем, следуя позднейшей этнографии, мы предположили, что остатками вудинов, вероятнее всего, могут быть финские племена мордвы, мешеры и т. д., которые отчасти и доселе живут на тех же местах. Мы не опровергали тех мнений, утвержденных и Шафариком, которые помещают вудинов на Воляни и на Припяти, ибо, имея в виду ясное показание Геродота, почитали эти мнения слишком произвольными. Однако за это самое мы получаем, впрочем, очень любезный упрек в «малом внимании к трудам предшественников», т. е., собственно, в несогласии с Шафариком. Почтенный рецензент нашей книги, г. Белов, которому, как и всем нашим рецензентам, приносим истинную признательность за внимание к нашему труду («Сборник государственных знаний». Т. V // Критика и библиография. С. 34–46), очень защищает упомянутые мнения и приводит между прочим свидетельство, что «в северной части Волынской губернии полесовщики *до сих пор* называются будинами» и что, стало быть, наши древляне ближе всего могут подходить к геродотовским вудинам, так как и очень многие имена мест в тамошней стороне имеют корень *буд* – Буда, Будники, Будищи и т. д. Но припомним к этому и муромский *бдын* (постройка над могилой), который прямо указывает на геродотовское место будинов (*Котляревский И.* Погребальные обычаи. С. 119–120). Буда значит вообще постройка, строение, в частности – в Западной России постройка для изготовления поташа, смолы, дегтя, называемая в восточной майданом. Великое множество таких имен существует, например, в Ковенской губернии к северу от Ковно (совр. г. Каунас. – *Примеч. ред.*) и к востоку от Россиен. Вот, стало быть, где жили будины. Подобные имена рассеяны повсюду по Русской равнине и потому представляют очень слабое доказательство для помещения будинов только в древлянских лесах. Сколь нам известно, первым поместил будинов поблизости к этим лесам, у Холма (совр. г. Хелм. – *Примеч. ред.*) и Бреста, вообще в болотах Припяти, старый академик Байер (Комментарии Академии наук на 1720 г. Ч. I. С. 158). Те исследователи славянской древности, которые стали присваивать вудинов славянскому племени, охотно последовали толкованию Байера. Шафарик этот вопрос сам по источникам не пожелал рассмотреть и положился во всем на польского ученого Оссолинского. Но так как согласовать показание Геродота с найденным славянским местом вудинов было невозможно, то ученые прибегли к самой легкой операции – они решили без малейших толкований и доказательств, что *Геродот ошибся*. Геродот есть древнейший, самый полный и, можно сказать, единственный свидетель о вудинах. Относительно достоверности каждое его слово – золото. Если бы он ошибся, то его ошибку необходимо было проверить с показаниями других писателей, живших после него. К таким писателям принадлежит самый обстоятельный географ II века Птолемей. Он, однако, вовсе не говорит о вудинах как о народе *великом* в смысле многолюдства. Он рассказывает только, что внутри нашей страны живут два великих народа, алауны-скифы и амаксобы. Он показывает иные имена на том месте, где жили вудины, по Геродоту. В позднейших свидетельствах амаксобы превращаются в мордву и *мохел*, что указывает на мордву и мокшу, т. е. тех же родственников вудинам. Птолемей указывает только незначительный народец воины вблизи Карпат. Но он говорит, что Борисфен-Днепр выходит из горы Вудинской и показывает эту гору под 58-м градусом долготы и 55-м широты, на 13 градусов восточнее и на один градус южнее устьев Вислы, что как раз приходится на нашу Алаунскую возвышенность, откуда действительно и течет Днепр. Алаун-гору Птолемей ставит на 41/2 градуса восточнее Вудин-горы. Эти свидетельства Птолемея приносят к ошибке Геродота только новое показание, что именем вудинов называлась возвышенность, с которой падает Днепр, что, стало быть, вудины обитали не только у верховьев Дона, по Геродоту, но и у верховьев Днепра, уже по Птолемею. Послушаем, что говорят другие свидетели, предшественники Птолемея. Помпоний Мела повторяет Геродота. О нем Шафарик отмечает следующее: «Очевидно, что Мела списал Геродота и *ошибочно, вместе с ним*, поместил будинов между Доном

говорили, что от этого перехода невров на северо-восток могло в течение веков развиваться

и Волгой» (Славянские древности. Т. I, кн. 1. С. 309). Плиний (Плиний IV, гл. 12 и 26) делает то же самое, помещая вудинов между фиссагетами и васидами (скифами), т. е. на том самом месте, где их поселяет Геродот, говорящий, что за царскими скифами выше жили вудины, а потом еще выше фиссагеты. «Внутри земель, – говорит Плиний, – после тавров встречаются авхаты, у которых Гипанис (Южный Буг) берет свое начало; *невры, у которых берет начало Борисфен-Днепр*, гелоны, фиссагеты, будины, василиды и агафирсы с синими волосами, потом антропофаги». Плиний, как и Птолемей, нисколько не противореча Геродоту, дает опять новое сведение, что *Днепр течет из земли невров*. Это самое повторяет Аммиан Марцеллин, писатель IV века, сказывая (кн. XXII), что «вблизи Каркинитского залива обрисовывается течение Днепра, *что рожденный в горах невров*, мощный со своего верховья и увеличенный еще стечением многих рек, Днепр низвергается в воды Евксина». В другом месте (кн. XXXI, гл. 2) он говорит: «В безграничных пустынях Скифии (выше сарматов) живут аланы, получившие свое наименование от гор. Между этими народами в середине живут невры в соседстве с крутыми (обледелеными) скалами... за ними живут будины и гелоны, затем агафирсы, далее меланхлены и антропофаги». Маркиан Гераклеяский, современник Аммиана Марцеллина, показывает, что Днепр течет из страны скифов-аланов. Вот свидетели, писавшие спустя 600 и более лет после Геродота. Но ни один из них не противоречит его показанию; напротив, каждый идет по его следу и только сокращает его. Все они, однако, прибавляют новое сведение, что на истоках Днепра невры и вудины соприкасались жилищами. Этим вполне подтверждается и сказание Геродота о переходе невров в землю вудинов и указывается самое место, верховья Днепра, где этот переход мог происходить, причем ничто не мешает предполагать даже переход славян-невров и в земли новгородской воды. Поселения вудинов, таким образом, распространяются по направлению от изворота Дона к Финскому заливу, и это правдивее всего обозначает границы древнейшего финского населения в северо-восточной половине нашей страны. Геродот показал, что Неврида начиналась от истоков Днестра, что с нею граничили скифы-пахари, которые, по его же указаниям, простирались почти до Киева. О дальнейшем пространстве Невриды к северу и западу он ничего не говорит, как не говорит и о дальнейших землях вудинов на запад и восток от изворота Дона. Он идет к Уральскому хребту и по этой только дороге описывает встречающиеся народы. Помня его слова о великом по многолюдству народе вудинах и прилагая их к существующей теперь этнографии, невозможно думать ни о каком другом племени, как о древней мордве, мещере, муроме, мери, веси и даже новгородской води. В свое время это был действительно великий многолюдный народ, в земли которого у Верхнего Днепра перешли невры-славяне и век за веком оттеснили его глубже к северо-востоку за Волгу и Оку. Во всяком случае, мы никак не можем согласиться со словами Шафарика, что, «судя по вышеприведенным свидетельствам, нет будто бы сомнения, что великий и многолюдный народ будины занимал когда-то жилищами своими всю нынешнюю Волынь и Белоруссию». По Геродоту, именно на этих местах жили на Волыни скифы-пахари, а в Белоруссии невры. Маленькое Птолемеево племя вудины жило у Карпат наряду с певкинами (Буковина), бастернами (Быстрица), карпианами (хорватами). Рассказ о походе Дария, может быть, баснословный, нисколько не изменяет геродотовской этнографии, ибо она написана для изображения Скифии и ее границ, а вовсе не по случаю только похода. Невероятной кажется длина походного пути. Но если Дарий из Персии пришел к Дунаю, то очень легко мог пройти по степям и к Дону, и тем более легко, что в то время это была очень торная, торговая, всем известная дорога к Уральскому хребту. В X веке от устья Дуная до Саркела на Дону вблизи Волги считалось 60 дней пути. Немудрено, что и во времена Дария до тех же мест считались те же 60 дней, о которых пишет Геродот. Несмотря на то что труд Шафарика пользуется великим авторитетом и представляет в своем роде целую энциклопедию по славянской древности, мы все-таки должны сказать, что его изыскания по этнографии Русской равнины очень слабы. Здесь он больше, чем где-либо, руководствовался предубеждениями, например, против кочевников и принимал на слово, без проверки, разыскания немецких ученых. Но необходимо заметить, что ни для Шафарика, ни для немецких ученых Русская равнина не могла представлять столько интереса, чтобы посвящать ей всю ученую любовь относительно расследования ее древнейшей истории. Это дело в полном смысле русское и должно принадлежать русским ученым. А русские ученые, даже передовые историки, к сожалению, чуть ли не презирают всю нашу доваряжскую древность. Г. Костомаров (Русская старина. 1877. № 1), по подобию Шлецера, уверяет, например, что из тех показаний древних и средневековых писателей о нашей стране, какие уже нам известны, ничего верного извлечь нельзя, все будет только *вероятности*, а от размножения вероятностей наука ничего не приобретает. Почтенный автор забывает, что историческая наука искони устраивается только на вероятностях и что каждая страница очень основательных исследований, даже о временах, очень нам близких, наполовину всегда состоит из вероятностей, более или менее оправданных критикой, а иногда и вовсе неудачных. Размножение вероятностей неизменно открывает путь и к настоящей истине. Развитию науки очень вредит не размножение вероятностей, а равнодушие к ее задачам, прикрываемое к тому же авторитетным шлецеровским решением, что дальше заученных истин ходить не следует. Затем, уверять, что мы знаем все, что говорили о нашей стране древние, невозможно. Мы знаем очень отрывочно, неполно и весьма поверхностно только то, что сообщили нам немецкие ученые и Шафарик. До сих пор сами мы еще не пускались в такие тяжкие разыскания, ибо наши руководители всякую подобную попытку встречают осуждением и даже посмеянием. У нас, например, нет не только хорошей, но и никакой *исторической географии* нашей страны, а между тем нам необходимо же рассуждать и о черных болгарях, и о будинах, с которыми мы блуждаем, переселяя их с места на место, как кому понадобится. Если бы была собрана из первичных источников древняя география страны, то многие исследования, как совсем излишние, не появились бы и на свет. В нашей исторической науке не существует именно того, что в изобилии существует у западной учености, – тех *материковых* исследований, без которых никогда не устроится и самая наука. Вот причина, почему мы так поверхностно и легко относимся и к доваряжской древности. Г. Костомаров всякое толкование свидетельств этой древности почитает произвольным, так они кажутся ему чуждыми и дикими для круга наших исторических познаний. «До какой степени все это произвольно, – говорит он, – можно видеть, например, из того, что упоминаемых Геродотом вудинов Шафарик считает славянами, предками нынешних белоруссов, и помещает в белорусских болотах, а г. Забелин видит в них мордву и вотяков, обитателей восточной полосы. В сущности, и тот и другой руководствуются своими субъективными соображениями, а результатом выходит, что наука все-таки не знает, что такое были вудины» (Рус-

и распространиться новое колено восточной славянской ветви, так называемое великорусское племя. Несомненные подтверждения этому предположению больше всего открываются в именах земли и воды, разнесенных из западного края по всему русскому северо-востоку. Но, как увидим, в образовании великорусского племени участвовали и другие славянские отрасли, а именно балтийские.

На Балтийском побережье, между Вислой и Одером, славянское племя, так же как на прусских берегах и в устьях Немана литва, может почитаться древнейшими старожилами этих мест.

Литовское слово *baltas, balts* – белый, уже в древнейшее время, задолго до Р. Х., послужило корнем для названия этого моря и некоего его острова, известного по собиранию янтаря. Море Балтийское значит Белое, соответственное русскому названию северного Белого моря. Точно так же известное древним скифское имя янтаря, *sacrium* или *satrium*, объясняется из латышского: *sihtars, sihters*, означающего янтарь и вообще кристалл¹⁸.

«Греки с незапамятного времени, – говорит Шафарик, – имели предание о том, что янтарь находится на севере, в земле венедов, где река Эридан впадает в Северное море». Знал об этом и Геродот, но, быть может, из купеческих видов не хотел ничего рассказывать.

Он говорил так: «О крайних землях Европы ничего не могу сказать достоверного, и не верю, что будто существует какая-то река, называемая варварами Ириданом, которая впадает в Северное море, из которой, как говорят, достают янтарь. Неизвестны мне и острова, откуда привозится олово. Да и самое имя Иридан очевидно эллинское, а не варварское и вымышлено каким-нибудь поэтом. Несмотря на все мои старания, я не слыхал ни от одного очевидца, чтобы за Европой находилось море. Только знаю, что олово и янтарь приходят к нам (грекам. – *Примеч. авт.*) доподлинно с края земли».

Действительно, трудно предполагать, чтобы Геродот, так внимательно и точно изучавший географию и этнографию древних народов, не знал более никаких подробностей, откуда собственно приходит янтарь. Быть может, из-за тех же купеческих видов он не упоминает

ская старина. 1877. № 1. С. 176). Но для проверки подобного произвола существует судья-критика, а она-то в настоящем случае, обходя молчанием оценку так называемых ею произвольных толкований, что, конечно, требует труда, стремится только подвергнуть сомнению самое существо вопроса, стремится доказать, что изыскания о каких-либо вудинах, скифах, роксоланах и тому подобных предметах, в сущности, – игра, не стоящая свеч. Следуя твердо заученным понятиям нашей образованности о пустом русском месте в истории, почтенный автор никак не хочет принять в родство с русью и древних роксолан, говоря, что подобная мысль и ему приходила, когда он занимался древними народами, населявшими Русскую страну, но, всмотревшись *беспристрастнее*, он увидел «несостоятельность подобных предположений, основанных единственно (будто бы. – *Примеч. авт.*) на созвучии». И затем, через несколько страниц (С. 167 и 183) сам же уверяет, как важно, например, свидетельство Симеона Лагофета о древнем Росссе, освободителе и прародителе руси. Это свидетельство, говорит он, «должно иметь для нашей истории *первостепенную важность*»: оно служит доказательством, что руссы сами себя отнюдь не считали происходящими от недавних пришельцев, но, подобно многим древним народам, духовно жившим мифическими преданиями о своей старине, имели *воображаемых* (!) предков и родоначальников». Сколько же требуется пристрастия для того, чтобы заметить и без того очевидное сродство народного мифа, в глубине которого всегда лежит несомненная истина, с историческими несомненными свидетельствами о существовании целого народа с таким же именем, упоминаемого за несколько столетий прежде на тех же самых местах, где существовал и мифический, и исторический Росс. Конечно, это только *вероятность*, ибо никакого юридического документа и расписки на это мы нигде не найдем. Но историческая правда имеет свои основания, для которых юридический документ или писаное засвидетельствование еще не многое значит. Так шатки и поверхностны огульные осуждения почтенного критика всех попыток, стремящихся разъяснить доисторическое время Руси. Ясное дело, что при таком направлении нашей руководящей исторической критики появление русского Шафарика или Цейса на долгое время сделалось невозможным. Для молодых ученых потребуются большая храбрость уже только для того, чтобы сломить застарелые и закоснелые предубеждения против скифства и роксоланства Древней Руси. В своей книге мы сделали что могли, опираясь главным образом на первоначальные источники, так показано и выше, и не вступая в споры с разнообразными мнениями авторитетов, им же несть числа, по той причине, что их разбор потребовал бы особой книги. В отношении местоположения древних жилищ вудинов мы имеем на своей стороне, между прочим, авторитет знаменитого Герена («Политика и торговля древних народов»), который, преследуя одни научные цели, конечно, и не мог растолковать до крайности простой и ясный текст Геродота.

¹⁸ Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык. С. 46–47; Шафарик. Славянские древности. Т. 1. Кн. 1. С. 173–174; Суровецкий Л. Исследование начала народов славянских // Чтения Общества истории и древностей российских. 1846. № 1. С. 18.

и самое имя северных венедов и не знает, кто живет по верхнему течению Днепра, указывая только, что там дальше живут людоеды. Из таких рассказов поэтам оставалось одно: поместить реку Эридан в земле венетов, известных тогдашним грекам и самому Геродоту, именно у венетов адриатических. Так это и случилось: правдивое сказание о неизвестном севере помещено на известном юге, где янтаря не существовало, но куда он доходил путем торгова и через руки все тех же венетов-славян.

Раскрывая и доказывая эту истину, Шафарик оканчивает свое исследование такими словами: «Итак, вот то древнейшее свидетельство о венетах, праотцах последующих славян, обитавших за Карпатами и на берегу Балтийского моря, свидетельство, коего, после тщательного и беспристрастного исследования всех обстоятельств, к нему относящихся, никак нельзя отнять у нас и никаким утонченным умствованием уничтожить»¹⁹. Это говорилось ввиду притязаний немецкой учености, ни за что не хотевшей допускать старожитности славян на Балтийском море, а тем более на прусских берегах, искони будто бы принадлежавших германцам, которые, конечно, одни только и торговали янтарем.

Торговля янтарем, по всей видимости, положила первые основания для промышленного развития нашей равнины, для образования в ее разноплеменном населении известного единства интересов, а следовательно, и известного народного единства, сначала едва заметного, а впоследствии уже достаточно очевидного из первых показаний нашей летописи. Воспользуемся суждениями об этой торговле знаменитого Риттера²⁰.

«Особенно торговля янтарем, – говорит он, излагая историю географических открытий, – много способствовала дальнейшему открытию Средней Европы. Подобно многим другим товарам, золоту, олову, соли, мехам, слоновой кости, пряностям, и янтарь играет замечательную роль в истории открытий земель. Янтарь был тем более важен, что он по праву может быть назван единоместным произведением природы, *Unicum*, так как нахождение его ограничено почти исключительно лишь весьма небольшой местностью на земном шаре, именно у Балтийского моря. Греки еще в древнейшие времена посылали своих моряков и странствующих купцов из милетских колоний у Понта Эвксинского, вверх по Борисфену (Днепру), для получения янтаря от гипербореев (северных народов). *Таким образом впервые пройдена была по самой середине Восточная Европа*, с юга на север, от Черного моря до берегов Балтийского в Пруссии, единственного места нахождения янтаря. Уже финикийцы, первоначальные торговцы янтарем во времена Гомера, добывали его с Балтийского побережья, но скрывали свой путь. Да и греки берегли тайну добывания товара, равноценного золоту. В Передней Азии янтарь считался не только драгоценнейшим курением в храмах богов и палатах царей, но и самым дорогим украшением наряда. Скоро и на западе, и в Риме, во времена императоров, электрон сделался предметом значительного спроса. Плиний рассказывает (Н. Н. XXXVII, 11), что император Нерон искал большое количество янтаря, чтобы украсить кораллами из него сети, окружавшие арены амфитеатров, во время расточительных звериных и гладиаторских боев. Для этого послан был сухим путем римский всадник, через Дунай и Паннонию, к янтарному побережью, к мысу *Baltica*.

Что римляне были в торговых сношениях с обитателями янтарного побережья, доказывают многие римские монеты времен императоров, найденные в пределах Прусской Балтики. Они находимы были преимущественно в погребальных урнах, начиная от устья Вислы до Эстляндии, через Преголю, Неман и Двину, до Финского залива. От Эйлау и Кенигсберга до Риги римские монеты находимы были в большом количестве... Преимущественно найдены были монеты Марка Аврелия и Антонинов».

¹⁹ Шафарик. Славянские древности. Т. I. Кн. 1. С. 177.

²⁰ Риттер К. История землеведения (лекции). СПб., 1864. С. 88.

В немалом количестве в тех же местах были находимы и более древние монеты греческие, а именно афинские, фазосские, сиракузские, македонские и др.²¹

Эти монетные показатели идут непрерывно, начинаясь за несколько столетий до Р. Х. и продолжаясь до XII столетия по Р. Х. Греческие монеты сменяются римскими, римские византийскими, византийские арабскими, арабские германскими. Все такие находки с полной достоверностью обнаруживают, что этот замечательный угол Балтийского моря, этот *янтарный берег*, находился в течение более чем тысячи лет включительно до призвания наших варягов в постоянных сношениях не только с южной греческой и римской Европой или позднее с германским Западом, но и с закаспийскими государствами персов и арабов. Римская торговая дорога в Адриатическое море шла по Висле до Бромберга, потом сухопутным по направлению мимо теперешней Вены. Греческая дорога в Черное море, более древняя, шла по Неману, по Вилье с перевалом в Березину и в Днепр. Это был кратчайший и самый удобный путь. Но купцы несомненно ходили и от устья Вислы, по Западному Бугу с перевалом в Буг Черноморский (Южный). Недаром эти реки носят и одно имя. Другие дороги по Преголе и по Припяти в Днепр если и существовали, то были очень затруднительны по случаю длинного болотистого перевала от Преголи к притокам Припяти. Географ II века, Птолемей довольно подробно перечисляет даже и малые племена здешних обитателей, что вообще служит прямым доказательством торгового значения этой страны, ибо подобные сведения могли добываться только посредством купеческих дорожников или из рассказов туземцев, привозивших к грекам вместе с товарами и эти сведения. Но для нас всего важнее показание этого географа, что морской залив, в который впадают Висла с юга и Неман с востока, называется Венедским, конечно, по той причине, что в нем господствовали венеды, частью своим населением по его берегам, а больше всего именно торговым мореплаванием. В восточном углу этого залива, стало быть, в устьях Немана, Птолемей помещает Вендскую же отрасль, вельтов, по-западному велетов, по-нашему волотов, или лютичей, коренное жилище которых находилось в устьях Одера, а здесь, следовательно, они были колонистами и заслужили упоминания в древнейшей географии, несомненно, по своему торговому значению.

Мы уже говорили, что в преданиях античных греков с торговлей янтарем связывалось имя венетов, вендов. Прямых сведений об этих промышленных вендах древность не сохранила. Они жили на краю земли, и притом еще земли, неизвестной древнему миру. Римляне, по свидетельству Страбона, совсем не знали, что творилось и кто там жил дальше к востоку за Эльбой на Балтийском побережье.

Лет за 50 до Р. Х. некие инды, плававшие на корабле *для торговли*, попали в теперешнее Немецкое (Северное) море и были занесены бурей к берегам Германской Батавии при устьях Рейна. (Несомненно, они пробирались в Арморикку к братьям-венетам.) Батавский князь подарил несколько человек этих индийцев римскому проконсулу Галлии Метелу, который узнал от них, что, увлеченные сильными бурями от берегов Индии, они переплыли все моря и попали на германский берег. Этот случай римские ученые приводили в доказательство, что море окружает землю со всех краев и что таким образом и из Индии восточной могли приплыть к Германии самые индийцы. Шафарик очень основательно доказывает, что эти инды суть винды, венды – балтийские славяне, виндийское имя которых является вскоре в I веке по Р. Х. у Плиния и Тацита, а потом, как видим, и у Птолемея. И первые двое помещают их тоже в восточных краях Балтики.

Упомянутый случай значителен в том отношении, что он подтверждает истину о мореплавательных способностях славян-вендов, с таким усердием оспариваемую нашими ака-

²¹ Записки Императорского археологического общества. Т. IV. С. 3; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1877. Т. I. С. 3.

демиками в пользу одних норманнов. Он уже указывает и на торговые сношения этих вендов, ибо в устьях Рейна, куда они были занесены бурей, в последующее время, например в VII веке, находим их поселения близ города Утрехта и дальше на Фрисландском поморье, а равно и на побережьях Британии²².

Более замечательная колония вендов находилась в еверо-Западной Галлии (Арморике) на Атлантическом океане. Здесь в глубине одного из заливов, именно в местности, где находились лучшие пристани, у венетов был город Венета, Венеция, теперь Ванн, построенный на возвышении, которое по случаю морских приливов было недоступно. Ближайшие острова также назывались Венетскими, из них один именовался Vindilis, другой Siata, а порт на материке – Виндана, один из городов Plawis.

Об этих венетах впервые узнаем от Цезаря, который разгромил их и почти совсем истребил в 56 году до Р. Х. Он рассказывает, что венеты пользовались великим почтением у всех приморских народов того края по той причине, что содержали у себя множество кораблей особого устройства и были отличными мореплавателями, превосходя в этом искусстве всех своих соседей. Они владели лучшими пристанями и собирали пошлину за остановку в этих пристанях. Постоянный торг они вели с Британскими островами, куда по этой причине и не желали пропустить римлян Цезаря. Почти все их городки были построены на мысах, посреди болот и отмелей, в местах неприступных, особенно во время морского прилива. Цезарь осаждал их посредством плотин, но без успеха, и сокрушил их только в морском сражении. Выбор места для главного города и для малых городков явно показывает, что венеты были люди по преимуществу корабельные и непременно пришельцы для туземного населения, ибо они одинаково старались защитить себя и с моря, и с суши. В битве с Цезарем они потеряли все свои корабли, всю удалую молодежь, всех старейшин. Остальное население по необходимости отдалось в руки победителю, который всех старейшин казнил смертью, а прочих распродал в рабство. С тех пор, кажется, только имя этой колонии пользовалось славой старых ее обитателей. Современник Цезаря, Страбон предполагал, что эти галльские венеты были предками венетов адриатических – показание важное в том отношении, что, стало быть, у географов того времени были достаточные основания производить родство и адриатических венетов с севера же.

Шафарик, очень осторожный во всем, что касалось присвоения славянству каких-либо имен, окрещенных западной ученостью в германцев, в кельтов и т. п., пишет о галльских венетах следующее: «Мы не спешим этих венетов объявить славянами, оставляя, впрочем, каждого исследователя при своем мнении и суждении об этом предмете. Что эти венеты были племени виндского, не только возможно, но и довольно вероятно; но возможность и вероятность еще не истина»²³. Точно так. Но нельзя же забывать, что средневековая история, относительно очень многих народных имен, несравненно более сомнительных, большею частью построена только на подобных же возможностях и вероятностях и никак не на истине документальной, так сказать, не на расписках в своей народности самих народов.

По этим причинам и славянский историк имеет полное основание в имени винд-венд прежде всего видеть славянина и может отказываться от этого заключения только в том случае, когда появятся упомянутые расписки в иной народности этих вендов, т. е. когда появятся показания вполне убедительные для всесторонней критики, не только лингвистической, но и этнологической. Суровецкий, которому Шафарик обязан, можно сказать, всем планом своего сочинения, равно как и Надеждин и Гильфердинг, не сомневался в родстве этих далеких венетов со славянами.

²² Шафарик. Славянские древности. Т. II. Кн. III. С. 81–82.

²³ Юлий Цезарь. Записки о походах в Галлию. Кн. III. Гл. 8–16; Шафарик. Славянские древности. Т. I. Кн. I. С. 429, 432, 433; Т. II. Кн. III. С. 87, 116, 120, 122.

Народное, племенное имя не умирает даже и тогда, когда исчезает народ. Оно остается в названии мест, где жил этот народ. «Где бы мы ни встретили еще живое название Рима, – говорит Макс-Мюллер, – в Валахии ли, в названии романских языков, в названии турецкой Румелии и пр., мы знаем, что известные нити приведут нас назад к Риму Ромула и Рема»²⁴.

На этом, так сказать, бессмертии народного имени мы делаем свои заключения и о вендах, где бы их имя ни встретилось. «Венды (Vinidae), – говорит тот же лингвист, – одно из самых древних и более объемлющих названий, под которым славянские племена были известны древним историкам Европы». Поэтому в распределении арийских племен в Европе он пятую их ветвь, славянскую, предпочитает именовать вендской. Это имя было по преимуществу западноевропейское, несомненно, утвердившееся с той поры, как только славяне показались западным людям, германцам и кельтам. Что касается вендов-венетов, моряков Атлантического океана, то история балтийских вендов, отличных моряков и усердных торговцев с далекими краями, история, положительно известная уже с VII века и ранее, дает прочное основание к заключению, что их атлантические морские предприятия были только отраслью таких же предприятий по Балтийскому побережью. Свои морские торговые дела они оставили в наследство и немцам, ибо знаменитый Ганзейский союз вырос на почве вендского торгового и образовался главным образом из вендских же городов. Если б это были шведы, для наших академиков единственный морской народ на Балтийском море, известный Тациту под именем свионов, то, конечно, и галльские венеты, их современники, точно так же прозывались бы свионами, свитиодами и т. п.

От превратностей истории, от поглощения сильнейшими туземцами, атлантические и другие далекие колонии вендов и с их народностью исчезли, как исчезли и греки, колонисты нашего Черноморья, как исчезла славная Ольвия и не менее славные Танаис, Пантикапея, Фанагория, как исчезли потом и сами славяне на Балтийских побережьях, оставив по себе вечную память только в славянских именах теперь уже немецких городов – вроде Висмара, Любека, Ростока, Штеттина, Кольберга²⁵ и т. д.

Глубокая древность славянских поселений на Балтийском море больше всего может подтверждаться скандинавскими сагами, которые много рассказывают о ванах и венедах, вильцах-велетах, о стране Ванагейм, куда норманны посылали своих богов и славных мужей учиться мудрости. В свите бога Одина находились венды. Богиня Фрейя (славянская Прия – Афродита) называлась венедской, потому что была из рода ванов. Ее отец Ниорд по происхождению был тоже ван. Это племя мифических ванов было прекрасное, разумное, трудолюбивое, потому что было племя земледельческое, мирное. В таких чертах скандинавские мифы рисовали балтийских вендов, в чем не сомневались и осторожный Суровецкий, и еще более осторожный Шафарик²⁶.

Впоследствии героями скандинавских и немецких преданий становятся гунны с их царем Атиллой. По всей видимости, это была только перемена звука в имени тех же ванов-вендов, ибо Гуналанд – земля гуннов помещается точно так же на востоке Балтики, где находилось царство Атилы, содержащее в себе 12 сильных королевств. «Все принадлежало ему от моря до моря», говорят саги, подтверждая известие Приска, что Атила брал дань с островов океана, т. е. Балтийского моря. Славянство гуннов ничем не может быть лучше подтверждено, как именно этими северными сагами.

Многое, о чем так поэтически рассказывают скандинавская мифология и немецкие саги, быть может, не менее поэтически воспевалось и балтийскими славянами; но они не

²⁴ Макс Мюллер. Лекции по науке о языке. С. 187.

²⁵ Совр. г. Колобжег (Польша). (Примеч. ред.)

²⁶ Шафарик. Славянские древности. Т. I. Кн. II. С. 267; Исследование Суровецкого // Чтения Общества истории и древностей российских, 1846. № 1. С. 69; Касторский. Начертание славянской мифологии. С. 173.

умели или не успели записать свои сказания больше всего по той причине, что распространение между ними христианства, а следовательно, и грамоты происходило в один момент с истреблением не только их политического существования, но и самой их народности.

Для нашей цели из приведенных свидетельств выясняется несомненное и существенное одно: что славяне под именем вендов, как и литва, сидели на Балтийском побережье с незапамятных доисторических времен. Конечно, из всего славянства, как думают и лингвисты, эта балтийская ветвь была самым ранним передовым пришельцем в Европу, предварившим остальных и оставившим позади себя восточную, или понтийскую, ветвь. Не потому ли на Руси, быть может, с незапамятных, первобытных времен балтийские славяне и прозывались варягами, от древнего глагола *варяти* – предупреждать, упреждать, *пред-идти*, что вообще означало передового, а следовательно, и скорого, борзого путника?

Относительно древних связей всего венецкого поморья с Русской страной нам остается только спросить здравый смысл. Если венды, живя в устьях Вислы и Немана и далее по берегу к северу, успели распространить свои поселки до пределов Дании, почти до Нижней Эльбы, если их морские и торговые предприятия заходили не только в Немецкое море, но и в Атлантический океан, то, живя у самых ворот нашей равнины, могли ли они оставить без внимания ее природные богатства и не попытаться счастья в проложении дорог по нашим рекам к далеким морям Юга и Востока, которые вдобавок им были хорошо известны и от постоянных сношений с греками. Главные наши речные пути по Днепру, Дону и Волге были знакомы грекам в очень давние времена. Не иные, а, несомненно, торговые сношения между морями нашей страны были, по-видимому, известны еще в век Александра Македонского. Сам Александр знал, что из Каспийского моря можно проехать в океан, и имел даже описание этого пути. Греческие поэты его времени заставляли аргонавтов возвращаться домой, в Грецию, по рекам и переволокам нашей равнины в Северный океан и оттуда вокруг Европы в Средиземное море²⁷. Вот в какое время был знаком древним известный нашему летописцу путь «из варяг в греки», и по Днепру, и по морю до Рима и до Царьграда.

Диодор Сицилийский прямо говорит, что «многие как из древних, так и из новейших писателей (между последними Тимей середины III века до Р. Х.) объявляют, что аргонавты по взятии Золотого руна, сведав, что выход из Понта был им заперт, предприняли удивительное дело. Они вошли в Танаис (Дон), доплыли до самых его источников и, перетащив свой корабль по волоку в другую реку, которая впадала в океан, свободно туда проплыли, причем от севера на запад так поворотили, что матерая земля оставалась у них слева, потом они вошли в свое греческое, т. е. Средиземное море»²⁸. Известие Диодора раскрывает, что торговый путь по нашей равнине проходил и по Дону. Вот по какой причине Птолемей во II веке знает на Верхнем Дону какие-то памятники Александра и Цезаря. Однако донская дорога была вообще меньше известна, чем днепровская, т. е. настоящий наш варяжский путь. В некотором смысле этот последний путь почитался как бы границей между Азией и Европой, и потому Плиний (79 год по Р. Х.) хотя по неведению и не может прочертить его в подробности, однако в точности представляет его в своей географии. Окончивши описание островов на Черном море и остановившись на последнем из них (вблизи устьев Днепра), именем Росфодусе, он потом переносится, по его словам, через Рифейские горы, т. е. вообще через возвышенность нашей страны, прямо на берега Балтийского моря, а именно в Вендский залив к устьям Немана, откуда и начинается исчисление тамошних народов и рек, идя от востока же: сарматы, венеды, скирры, гирры; реки Гуттал, Висла и пр. Очевидно, что в этом мысленном переходе с юга на север, от Черного к Балтийскому морю и прямо в залив к

²⁷ Риттер. История землеведения. С. 33, 89.

²⁸ Диодор Сицилийский. СПб., 1774. Ч. 2. Кн. IV. С. 91.

венедам, географ следовал давно сложившемуся, живому представлению о существовавшей здесь очень проторенной дороге.

Прямое свидетельство о янтарной торговле, проходившей именно по этому пути, сохранилось у Дионисия Перизгета, который рассказывает, что этот драгоценный товар, нежно сияющий, как блеск молодой луны, приносится двумя реками, спадающими с Рифейских высот в раздельном течении, на юге Пантикапой (река Конка, текущая одним руслом с Днестром) и на севере Альдескосом, при излиянии которого, по соседству с оцепенелым морем, и нарождается янтарь. Какая река носила имя Альдескоса, неизвестно, или же этим словом обозначалась вообще оцепенелая страна льдов, трудно сказать. География IV века (Маркиан Гераклеяский) описывает, что в таком же направлении с Алаунских гор текут Днепр и Рудон, древнейший Эридан. В точности нельзя определить, какой реке принадлежит это имя. Древние знали только, что от верховьев Днепра в Ледяное море протекала другая река, связывавшая водяной путь из южного в северное море²⁹.

Этих неоспоримых свидетельств очень достаточно для утверждения той истины, что путь «из варяг в греки», от балтийских венедов к черноморским руссам, существовал от глубокой древности, перебираясь с течением веков все севернее: с Немана на Двину (Рудон, как объясняют), потом на Неву и в Волхов.

До сих пор одно только сомнительно, и это по милости академического учения о создателях Руси, норманнах, – в чьих руках находился этот путь, по чьей земле он проходил? Обитали ли тут наши же славяне, или вся эта страна принадлежала чужеродцам? Для доказательства, что здесь жили и всем путем владели чужеродцы, например, готы, норманны, не требуется ничего, кроме доброй воли беспрестанно твердить об этом. Но коль скоро вы скажете, что здесь искони веков жили те же славяне, предки теперешнего русского племени, самые прямые наши предки, хотя и носившие другие имена, то в этом случае от вас потребуют доказательств самых осязательных, почти таких, которые могли бы до очевидности показать, что и за 2000 лет по этому пути существовали губернии Херсонская, Екатеринославская³⁰, Киевская, Минская и т. д.; существовали селения теперешних имен, существовали самые те люди, которые и теперь живут. В этом случае и от древних писателей требуют свидетельств самых точных и со всех сторон определенных, которые прямо бы говорили, что и тогда здесь жили русские теперешние люди, – как будто древние писатели с отличной точностью говорили обо всем, что касалось истории других народов, особенно германцев, и только не хотели ясно и определительно обозначать одну нашу древность. Они точно так же невразумительно и темно говорят о германцах, только говорят больше, чем о славянах, потому что смешивают и тех и других в одно географическое имя Германии; а говоря собственно о славянах, смешивают их с восточными соседями в одно географическое имя Сарматии.

Древним, конечно, еще невозможно было знать русских людей. Они и о стране не имели подробных сведений и знали только имена разных народов, мимо которых проходили тогдашние купцы. Они, по-видимому, только очень хорошо знали, что вдоль и поперек страны ходила торговая промышленность, приносившая им имена и этих далеких незнатных народов.

В самом начале эти имена писались по-гречески и на латыни не совсем точно; в течение веков они переменялись от исторических перемен в самой жизни народов. Какое-либо отдельное племя вырастало своим могуществом, побеждало другие соседние племена, господствовало над ними и распространяло свое имя на всю окрестную страну. После несколь-

²⁹ Geschichte Preussens, I. Voigt, ч. 1. С. 91; *Плиний*. Кн. IV, в издании Панкука, примечания. С. 306–320.

³⁰ Совр. Днепропетровская обл. Украины. (*Примеч. ред.*)

ких столетий являлось новое могущество нового племени и нового края страны, отчего разносилось по стране и новое господствующее имя.

В I веке до Р. Х. геродотовские кочевые скифы были окончательно обессилены понтийским царем Митридатом Великим. В I веке по Р. Х. вместо Скифии страна именуется уже Сарматией, причем один современник этого же столетия, Диодор Сицилийский, рассказывает, что сарматы, вначале жившие при устьях Дона, с течением времени до того размножились и усилились, что истребили всех скифов, обратили их землю в пустыню. Надеждин очень основательно толковал это сказание, что движение сарматов шло не с востока, от Дона, но с запада от Карпат³¹; а мы прибавим, что, вернее всего, оно шло с севера, от Киевского Днепра. С того времени, по латинским свидетельствам, вся наша страна стала прозываться Сарматией и все народы, в ней жившие, особенно южные, сделались сарматами. Сарматия начиналась уже от устьев Вислы, что явно обозначает, к какому населению относилось это имя. В то время на востоке от Вислы прежде всего жили одни славяне, простираясь на юг до Карпат и Нижнего Дуная. По течению Дуная начинаются и первые столкновения римлян с сарматами.

По истории известно, что с I века по Р. Х. древних скифов сменили сарматы-роксоланы. Они господствовали в стране от устьев Дона до устьев Дуная. Но Страбон почитает их народом самым северным, самым крайним из известных ему народов, живущим выше Днепра – конечно, Запорожского, следовательно, в местах киевских. По его словам, ниже роксолан по-прежнему жили еще савроматы и скифы, известность которых уже исчезала пред известностью роксолан.

Толкуя о широте градусов, Страбон относит жилище роксолан к той линии, которая почти приближается к берегам Балтийского моря. Он говорит, что они живут южнее северной земли (Ирландии), лежащей выше Британии. Из его слов ясно одно: что это был северный, вовсе не южный кочевник. Он и в истории представляется народом не столько воинственным, сколько торговым, жившим в союзе с римлянами, получавшим от них годовые субсидии и подарки.

Известно, что имя роксолан внезапно исчезло со страниц истории при появлении уннов в конце IV столетия. Но унны (хуны) помещаются древними историками на киевском же месте, на Днестре. В немецких хрониках Киевская Русь называется Хунигардом, т. е. землею уннов. В немецких древних народных преданиях и в скандинавских сагах хунами называются балтийские славяне. Весь балтийский восток носит имя земли гуннов, Гуналанд. Пока не будет основательно объяснено это в высшей степени важное обстоятельство, до тех пор мы будем верить, что славные унны пришли не из Китая и не от Уральских гор, а из Киевской страны или с Балтийского моря; что они были не калмыки и не венгры, а настоящие славяне. Из рассказа готского же историка Иордана видно, что гунны, унны, ваны явились на помощь роксоланам против готов и вывели этих готов вон из роксоланской земли дальше за Дунай; преследовали этих готов и в дальнейших своих странствованиях по Европе, что было уже в V столетии. Действуя во многих случаях заодно с германцами и посреди германцев, Атила остался героем древних немецких сказаний. Он собирал дань на островах Океана. Эти отношения уннов к островам Океана будут весьма понятны, если мы не забудем вышеизложенной истории торговых связей Венедского залива с Черным морем, если сообразим, что путь «из варяг в греки», от устьев Немана по Березине и по Днепру, мог быть большой проезжей дорогой не только для купцов, но и для балтийских военных дружин, которые дружелюбно или враждебно способны были пройти между жившими здесь племенами. Так, по указанию Плиния, некие скирры живут на Венедском заливе; но они же (по одной мраморной ольвийской надписи I или II века до Р. Х.) на юге входят в союз с галатами (Галицкая

³¹ Надеждин. Опыт исторической географии // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. С. 77.

страна у Карпат), собирают огромную рать с целью напасть зимой на греческую Ольвию³². Точно так же действовали руги и герулы (гирры), одноземцы скирров по Балтийскому морю. Все они действовали и около Дуная, проходя туда или по Одру и Висле, или по нашему Неману, Березине и Днепру. И к тому же они выступили на сцену вместе, в одно время с уннами, что дает новое подтверждение балтийского происхождения уннов.

Очень естественно, что с Балтийского же берега гораздо раньше могли прийти на свои места и роксоланы, как потом пришли на роксолан готы, а после на готов унны. Тогда в истории происходило общее движение северных балтийских дружин на богатый греческий и римский юг. Балтийский север, накапливая народонаселение, необходимо, век от века, должен был выделять от себя дружины переселенцев на юг, в более плодородные и более богатые места. Немало таких дружин привлекала и черноморская торговля; она, собственно, и прокладывала им дорогу.

Очень также естественно, что эти дружины стремились всегда занять наиболее выгодные места для своего обитания с особой целью господствовать над торговыми городами Черноморья. Оттого мы и встречаем их владыками так называемых Меотийских болот, этого срединного места, всегда господствовавшего варварской грозой над всем Черноморьем и особенно над ближайшими торговыми местами в лимане Днепра и его окрестностях (Ольвия, Херсонес), на Киммерийском Боспоре (Керчь), в устьях Дона и пр. Таковы были герулы, заявившие свое имя во всех этих местах, как и на Дунае. Таковы были еще прежде роксоланы, состоявшие в связях и в большом знакомстве с римлянами, что могло происходить не только по Дунаю, но и от устьев Вислы и Немана. Именно это близкое знакомство с Римом лучше всего объясняет, что роксоланы не были далекими степными кочевниками, а были соседями римлян по торговле и по политическим интересам Рима.

Движение готов в IV веке также направлялось к Меотийским болотам. По всей видимости, готы в это время отнимали владычество у роксолан, т. е., в сущности, отнимали свободную дорогу по днепровско-неманскому торговому пути, для защиты которой и появились унны, ваны, венды, несомненно от Венедского залива. Борьба уннов с готами лучше всего объясняется именно противоборством этих внутренних, так сказать, домашних отношений Венедского залива к новым пришлецам.

По сказанию Иордана, когда готы, приплывши из Скандинавии, высадились на южные Балтийские берега, то прежде всего вытеснили со своих мест ульмеругов, потом овладели землею вандалов. Самое место, где вышли на берег, они прозвали Готисканцией, что, быть может, означает город Гданьск, Данциг³³. Но и без того ясно, что они высадились в устьях Вислы, т. е. в Венедском заливе. Вандалы обитали к западу от Вислы, ульмеруги впоследствии жили к востоку, но до пришествия готов могли обладать и Вислой, т. е. всем побережьем Венедского залива. Какой народ были эти ульмеруги, неизвестно, или известно, что все знатные народы Среднего века (Средневековье. – *Примеч. ред.*) были немцы-германцы, следовательно, и ульмеруги должны быть германцами, каковыми были и сотрудники уннов, скирры и гирры, обитавшие здесь же, в области Немана.

Народы исчезли, но от них всегда остаются следы в именах мест, и чем какой народ больше жил на каком месте, тем больше сохраняется и памяти о нем в местных именах.

Теперешняя область Нижнего Немана принадлежит Пруссии. Имя Пруссии упоминается уже в X веке³⁴, и верное толкование объясняет, что это имя значит то же, что киевское

³² Кеппен. Древности северного берега Понта. М., 1828. С. 153; Шафарик. Славянские древности. Т. I. Кн. II. С. 259, 260.

³³ Фойгт. История Пруссии. Ч. 1. С. 98.

³⁴ Шлецер. Нестор, I. С. 96. Производство слова «Пруссия» от По-Руссии Шафарик как филолог гневно отвергает, говоря без дальних толкований, что имя *прусс* коренное, простое (Славянские древности. Т. I. Кн. 2. С. 301). Это говорилось, конечно, в силу той утвержденной им мысли, что руссы происходят из Швеции, от родсов, отчего он не хотел более подробно рассмотреть и ругов. Но «в Литовском наречии, – говорит Нарбут, – и названия жителей какой-либо окрестности

древнее Поросье, т. е. местность по реке Роси, или Полесье в качестве сплошного леса. Здесь так называлась местность, сплошная Русь, по реке Руссу, как и до сих пор называется нижний поток Немана, а поток получил свое имя, быть может, от города Русса (иначе Русня, Руснить), стоящего посреди всех многочисленных устьев Немана на главном его русле. Так, по крайней мере, изображалась эта топография на древних картах.

Из этих устьев по своим именам, как они значатся на тех же картах, особенно примечательны: правое от главного потока, северное, *Ulmis*, объясняющее Иордановых ульмеругов; главный поток с островом – *Russe sive Holm*, т. е. Русс или Холм, что таким же образом объясняет и имя Хольмгард скандинавских сказаний; наконец, левый поток *Alt Russe*, древний Русс, теперь, кажется, Варус. Ближайший отсюда отдельный проток Немана назывался тоже *Russe*. Неманский угол Балтийского моря в древности также назывался *морем Русским*³⁵.

Очевидно, что название всей страны Порусье, или Пруссия, явилось гораздо позже того, как утвердилось здесь поселение Русс, следовательно, этот русс, упоминаемый тоже и в X веке, существовал здесь раньше этого времени. Вот объяснение показанию Равеннского географа, которое относят к IX веку и которое говорит между прочим, что «близ океана находится отчизна роксолан, что там протекают две реки, Висла и Лутта (конечно, Неман), что за сею страной по Океану находится остров Сканза» и пр. Быть может, и Страбон то же самое слышал о своих роксоланах, но не сообщил подробностей. В хрониках XVI и XVII столетий обитатели этой страны именуются ульмигерами, ульмиганами, по-видимому, с явной перестановкой звуков из ульмеругов Иордана. Впрочем, в местных названиях и доселе сохраняется имя древних гирров (герулов), которые, по всему вероятию, то же означают, что и руги³⁶.

Однако все эти имена, известные только из латинских текстов, в IX или X веках и позднее, оставляют после себя одно господствующее имя: русс. Вместе с тем вся Украина Нижнего Немана (от его устьев до впадения речки Свенты), где в древности существовали руги, руссы, с XII века, а быть может, и раньше, именуется *Славонией*, или, по прусскому выговору, Шалавонией³⁷. В русском переводе Космографии XVII века, приписываемой Мерка-

легко можно узнать, близ какой реки они жительствоуют; ибо слог “по-” прибавляется к собственному имени реки, например По-Швентос, По-Юриос, По-Невежос, что означает людей, живущих на берегах рек: Швенты, Юры, Невежи. Посему-то этимологию названия пруссаков ближе всего производить можно от слова Русса» (Северный архив. 1822. № 3. С. 225). Мы должны присовокупить к этому, что литовских местных имен с предлогом «по» и до сих пор существует великое множество.

³⁵ В Московском Главном архиве Министерства иностранных дел древние карты Пруссии. См. также: *Костомаров*. Начало Руси // Современник. 1860, январь. С. 9; *Линде*. О языке древних пруссов // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. № VI. С. 293.

³⁶ Например, Аугсгирен, Витгирен, Матзгирен, Рофгирен, Скайсгирен, Стумбрагирен, Гирратишкен, Амбрасгирен, Лейдгирен и др. Это в немецкой стороне неманского края. В русских, литовских и латышских краях находим: Авжгире, Базнигиры, Видгиры, Вочгиры, Гирвийтис, Гирыники, Кибгиры, Лабгиры, Лепогиры, Жилогиры, Погиры, Скайсгиры, Скайстогиры, Скабсгиры, Ужгиры и пр. Встречаются Ругини, Герули и т. п. Точно такую же память и в тех же краях сохраняют и скирры (см.: *Шафарик*. Славянские древности. Т. I. Кн. 2. С. 260), имя которых, как имя гирров, распространяется даже и за Шавли. Все это дает немалое основание к заключению, что показанные в первый раз Плинием на Вендском заливе скирры и гирры напрасно, как и многие другие народы, приписываются к немецкому племени. По всей видимости, они были тутошние старожилы, литовцы и латыши. Любопытно, что в одном древнем поучительном Слове, приписанном Иоанну Златоусту (Слово похвальное на Рождество Пречистой Богородицы), в котором Русь именуется *новым стадом*, перечисляются разные народы, в том числе и скирры, и даже *пруци*. «Поистине бо Стая кто тебе не славит, кто тебе не хвалит и молит: румири или греци или болгаре или руси *новое твое стадо* или рамяне и овазгу, ивери же и алане, перси же и парфи, инди и ефиопе, алмази же и *пруци*, серпи же и харвати, саи же и *скири*, оуандили и египиди, лягаварди и власы, сарди же и вонятци, моравляне и различии словени, гоуфи же и фили и инии мнози языци...» По-видимому, это весьма древнее слово переработано для русской паствы, быть может, еще при детях Ярослава, так как в нем воссылается моление в таких словах: «Соблюдай и храни своих раб благочестивых князей наших и владыку (митрополита. – *Примеч. авт.*) и заступи их от всякие рати видимыя и невидимыя...» Слово находится в Сборнике поучений XVI века, белорусского письма. Рукопись принадлежит библиотеке Е. В. Барсова, которому приносим искреннюю благодарность за сообщение этого любопытного памятника.

³⁷ *Шафарик*. Славянские древности. Т. II. Кн. I. С. 72; *Фойгт*. История Пруссии. Ч. I. С. 508. Мы думаем, что упоминаемая в житии бамбергского епископа Оттона, сочиненном Гербордом, *Flavia* есть та же Шлавия, Шалавония, *Slavia*, как справедливо догадывался и г. Котляревский (Книга о древностях и истории поморских славян в XII в. С. 28, 29), объяснявший, впрочем, это имя половцами (Там же. С. 19). При этом в житии Оттона указываются и связи Древней Руси и с

тору, говорится между прочим, что «Русская или Прусская земля от князя их Вендуса (по другим хроникам Видвута³⁸. – *Примеч. авт.*) была разделена на двенадцать княжеств или областей, в числе которых находилась и Словония, и в этом Словониском княжестве было 15 городов; Рагнета, Тилса, Ренум (Русс? – *Примеч. авт.*), Ликовия, Салавно, Салвия и пр». Вот почему в первых веках и весь Прусский залив назывался Венедским, как говорили в Европе, или Славянским, как, быть может, известно было на месте. От венедов осталось матерое имя славян, от ругов – матерое имя *русс*.

Любопытно сравнить это показание о Вендусе с преданиями об Аттиле, который в своем Гуналанде (восток Балтики) имел тоже двенадцать королевств. В тех же преданиях нередко поминается и Вендское море. Все это дает повод предполагать, не напоминает ли имя Аттилы и один из главных городов Славонии, Тилса, нынешний Тильзит, называемый на немецких картах Славеном (Schalauen), – Словенском. Если здесь существовало первобытное жилище уннов, то становится очень понятным и выражение немецких сказаний об Аттиле, что все ему принадлежало «от моря до моря», т. е. весь путь от Балтийского до Черного моря, по которому свободно переходили и роксоланы, и скирры, и герулы. И там и здесь эти имена оказываются своеземцами.

Но откуда же могли прийти в Неманскую страну руссы и славяне, занявшие самый важный край на сообщении по Неману – его устье? Вся эта поморская сторона между Вислой и Двиной была искони заселена литовскими племенами, которые крепко сидели и внутри материка. Сейчас за Вислой к западу, по указанию нашей летописи, находилось *Варяжское поморье*, где пониже Гданьска (Данцига) стоял и славянский город Староград. Это поморье простиралось до устья Одера. Теперь здесь живут еще не совсем онемеченные славянские остатки кашубов, а в древности, во II веке, здесь, по географии Птолемея, жили руги, рутики, и на морском берегу при устье Вепри находился город Ругион (Ругенвальд), вблизи которого южнее и доселе существует город Словин (Словно). Этот угол вендской земли, прилегавши к Венедскому заливу, на памяти истории XII–XIII веков именуется Славо, Славна, Словена, Словене. Малые остатки здешних славян, особенно по морскому берегу, и теперь прозывают себя словенцами, свой язык словинским, словенским³⁹.

Какое же *славно*, неманское или поморское, населилось прежде и дало другому начало бытия? Где была мать населения, метрополия, и где была колония – дочь?

Нам кажется, что заселение славянами Немана произошло позже, чем заселение ими же всего побережья между Вислой и Одером. Неманское население пришло, несомненно, с моря, поэтому и осталось в устье. Население поморья шло по Висле и Одеру. Эти две реки были прямыми дорогами от Карпатских гор к морю, и нельзя сомневаться, что еще в глубокой древности послужили первыми проводниками славян на Балтийское побережье. Лингвисты думают, что при разделении славянства на отдельные племена балтийское (полабское) племя выделилось раньше других.

В VIII веке впервые упоминается, что в устьях Одера, где находится и остров Ругия, живут велеты-лютичи, о которых современный писатель Эйхард (ум. 840) говорит, что это был самый знатный народ на всем южном побережье Балтийского моря. Во II веке Птолемей, показывая ругов на Варяжском поморье, указывает и жилище велетов на восточной стороне Венедского залива, следовательно, при устье Немана. Вот в какое время велеты, или волоты наших народных преданий, занимали уже первый ближайший от славянского поморья вход в глубь нашей страны. Очевидно, что как в VIII, так и во II веке они одинаково были знат-

Поморьем, и с Неманской Славией в начале XII века.

³⁸ *Фойгт*. История Пруссии. Ч. I. С. 621.

³⁹ *Первольф*. Германизация балтийских славян. СПб., 1876. С. 33, 213, 255; *Касторский*. Влияние Каролингской династии на славянские племена // Журнал Министерства народного просвещения. 1839, октябрь; *Шафарик*. Славянские древности.

ным народом, конечно, больше всего по своей торговле, для которой непременно они основались и на устье Немана. Однако можно говорить, что славянское переселение к Неману шло в обратном направлении, не из-за моря, а из глубины нашей равнины. Так предполагает и Шафарик⁴⁰. Но его принуждает к этому выученная у немцев мысль, которую он или опасался, или не хотел разобрать основательно, та мысль, что Балтийское поморье от начала принадлежало германцам, которые неизвестно как и неизвестно когда ушли оттуда и на их место в V веке явились славяне. Мы уже говорили, что балтийское славянство было древнейшим старожилом на своем месте, о чем свидетельствовал сам Шлецер.

Но утверждению Шафарика всего более противоречит то обстоятельство, что неманский край и до сих пор остается литовским. Если бы поток славянского населения на Балтийское море шел из нашей страны по Неману, то он непременно бы залил славянской породой все берега Древней Пруссии, точно так, как он залил балтийские берега от Вислы до Травы, до самых англов и датчан. Очень многое нас убеждает, что население неманского края славянами происходило главным образом от славян-вендов, с Балтийского поморья; что вообще венды были деятельными колонизаторами не только древнелитовской Пруссии, но и всего севера нашей равнины.

У нас утвердилось мнение, что, например, Новгородский край заселен с Киевского Днепра. Доказательства тому, довольно слабые, находят даже в языке. Но кроме лингвистики и исторических соображений, в этих вопросах необходимее всего принимать во внимание экономические причины, от которых всегда зависело то или другое направление народных переселений.

В отношении этих переселений, особенно мирных, так сказать, растительных, необходимо иметь в виду, что люди, избирая новые жилища, всегда руководствуются какими-либо выгодами для своих поселений. Даже в случаях нашествия иноплеменных, люди в переполохе бегут во все стороны, но все-таки на постоянное жительство выбирают земли, наиболее подходящие требованиям и условиям их быта, выбирают сторону наиболее им родную по привычкам жизни и хозяйства.

Наши восточные славяне все были земледельцы, но природа страны довольно резко разделила их на две совсем особые половины соответственно особым свойствам их земледельческого хозяйства. Одни были степняки – *поляне*, другие лесовики – *древляне*. Это разделение и начиналось почти у самого Киева, между полянами и древлянами, но оно в истинной точности может обозначать и различие в характере народного быта по всей нашей древней равнине. Все наши племена были, говоря вообще, или поляне, или древляне по своему хозяйству.

С глубокой древности, еще геродотовской, область полян на юго-восток от Киева принадлежала южнорусскому (малорусскому) племени, а область древлян, геродотовских нуров, на северо-запад от Киева, белорусскому племени. Великорусское северо-восточное племя, несомненно, образовалось после, хотя и не на памяти нашей истории.

Кто знает и теперешнее степное хозяйство, образ жизни и привычки южного племени, тот, конечно, едва ли поверит, чтобы полянин в какое-либо время мог променять свой порядок жизни на порядки жизни лесного обитателя наших северных болот.

Уже одна привычка к ландшафту своей родины, к чистому полю – широкому раздолью, очень попрепятствует выбору переселения в глухие леса и болота. Скорее древлянин перемнит свой лес на чистое поле, чем полянин выбежит из степного раздолья в лесную глушь и тесноту. Здесь, как нам кажется, и скрывались причины, почему юго-восточный, понтийский отдел нашего славянства распространялся по преимуществу только в полях и для этого от нашествия иноплеменных не бежал дальше к северу, а уходил только к Дунаю и за Дунай или

⁴⁰ Шафарик. Славянские древности. Т. II. Кн. III. С. 111.

теснился у Карпатских гор, т. е. вообще шел все к югу. Таким порядком создались народности хорватов, сербов, болгар. Напротив того, северо-западный, балтийский отдел русского славянства, нуры-белорусы, живя в лесах и болотах, а потому и называясь древлянами, легко и удобно переселялись все дальше к северо-востоку. Их образ жизни и все привычки едва ли в чем изменялись, если они попадали, например, в ильменские или волжские леса и болота, где настоящего полянина странствующим и ищущим поселения нельзя и вообразить. Особого рода земледельческое хозяйство и привычки жизни требовали, чтобы поляне-степняки шли в поля, а лесовики древляне шли в леса. Так это и происходило с незапамятных времен, когда еще за 600 лет до Р. Х. негры передвинулись в земли вудинов. Самые свидетельства истории подтверждают эту естественную истину и говорят больше всего о переселениях с севера на юг, а не наоборот.

При первых князьях южные города населяются людьми, т. е. обывателями, с севера. В последующее время южане появляются на севере не народом, обывателями, а только чиновниками, властителями, каковы были, например, в Залесском Владимире *русские* «детские».

Что касается Новгорода, то в эту страну киевские поляне могли переселиться только по крайней необходимости, больше всего в видах торгового промысла.

В самом деле, какая нужда или выгода заставила бы их, коренных землепашцев, так далеко углубиться на финский север, где посреди глухих лесов и непроходимых болот едва было возможно найти место для разведения пашни, где вокруг озера возможно было только одно рыболовство или в лесах одно звероловство; а славянин, как помнит история, всегда питался хлебом, всегда был силен только своею пашнею. Новгород и в следующие века постоянно бедствовал хлебом и в этом отношении всегда зависел от остальной Руси.

Таким образом трудно предположить, чтобы киевский хлебопашец променял свой благодатный юг на этот бедный и бедственный север.

Необходимо допустить, что первое поселение на Ильмене завелось с целью торгового промысла. Одна только торговая промышленность способна поселить человека на самом бедном по природе месте, лишь бы оно было богато торгом. Но в этом случае сам собой возникает вопрос: какой торговли мог искать в ильменском углу нашего севера киевский юг? Ильменская сторона прилегала к Финскому заливу, следовательно, к торгу на Балтийском море, на которое, однако, можно было выезжать несравненно ближайшею дорогой, по Западной Двине, не говоря о древнейшей дороге по Неману. Самые норманны – шведы и прочие, если они ходили по нашей стране в Грецию, должны были предпочитать этот двинский путь, как ближайший и прямой, всякому другому. Пробираться по Финскому заливу и через Новгород было почти вдвое дальше и в несколько раз затруднительнее: надо было переходить, кроме залива, три реки, два озера, два-три волока, между тем как из Двины в Березину лежал только один переволок. Кроме того, европейские товары, на которые киевский юг у Балтийского моря мог променивать свои русские, приходили в Киев прямой сухопутной дорогой через польские земли. Польский летописец Галл рассказывает, что с X века торговые европейцы только по пути в Русь знакомились даже и с самой Польшей⁴¹, а баварские купцы из Регенсбурга, торговавшие в Киеве, так и прозывались *Ruzarii*, т. е. русскими, как и наши «гречниками» от торговли с Грецией. Это показывает, что торговля Киева с европейским Западом с незапамятных времен происходила и независимо от речных и морских дорог, сухопутьем, или «горой», как выражались наши предки.

Вообще очень трудно предполагать, чтобы древнейшие киевские или днепровские люди могли когда-либо отыскивать и пролагать пути к европейским товарам через Ильменский угол. А они необходимо должны были это делать, если стремились заселить и Новгородский край. Киевская сторона вовсе не нуждалась в этой далекой и болотной Украине.

⁴¹ Русский исторический сборник. Т. IV. С. 165, 166.

Самый важнейший русский товар, пушные меха, шел в Киев от Верхней Волги и вообще с северо-востока, из Ростовской и Муромской земель. Мед и воск добывались по сторонам самого Днепра. Все необходимое для Киева доставлялось главным образом с юга.

Тем не менее появление Новгорода на своем болотистом месте, как и впоследствии появление Петербурга у Финского залива, должно показывать, что существовали значительные внутренние или внешние причины для развития на этом месте нового поселения.

Петербург вырос из сокровенных потребностей страны владеть морским берегом; он явился на своем месте выразителем нашей государственной силы, искавшей света и просвещения на европейском Западе и потому придвинувшей даже свою столицу к самому рубежу этого Запада. Словом сказать, Петербург своим появлением обозначил великую нужду Русской страны в материалах и началах жизни западной, общечеловеческой.

Не был ли Новгород выразителем каких-либо внутренних, домашних стремлений Русской страны, указавшей еще в незапамятные века место для его поселения? Вообще был ли он порожден потребностями самой страны или явился по необходимости служить больше всего потребностям чужого мира?

Нам кажется, что история появления Новгорода шла совсем в противоположном направлении с историей появления Петербурга. Мы отчасти обозначили отсутствие внутренних причин к появлению на Ильменском болоте такого сильного города и потому очень сомневаемся, чтобы он впервые населен был днепровским племенем. По нашему мнению, и самый город, и его население могли народиться только из потребностей балтийской торговой промышленности, от которой развитие нашего севера вполне зависело с самых древних времен.

Мы сказали, что в эти отдаленные времена Русская южная страна нисколько не нуждалась в связях с Балтийским поморьем. Все надобное она находила или у себя дома, или на южных своих морях. Напротив, только Балтийское поморье всегда и очень нуждалось в промыслах и богатствах и во всяких добытках нашей страны. Известно уже из истории XII–XVI столетий, как европейцы неутомимо отыскивали и открывали новые для них пути в нашу страну все с одной целью – обогащаться нашим торгом. Так, европейские летописи говорят, что бременцы в половине XII века открыли путь в Западную Двину. В XIII веке венецианцы, а за ними генуэзцы открывают устье Дона и другие углы наших южных берегов. В половине XVI века англичане открывают путь в Северную Двину. Недавно и шведы открыли путь в сибирские реки.

Конечно, это вовсе не значило, что каждый раз европейцы открывали Америку. Это значило только, что их монопольные компании открывали лично для себя новые монопольные торги с нашею страной, ибо, по старинным торговым обычаям, каждый вновь открытый торговый путь или торговый угол составлял собственность открывателя. Так точно промысловые и торговые пути наших древних городов, а впоследствии княжеств тоже всегда составляли их земскую собственность.

Но это самое открывательство вообще обнаруживает, что Русская страна, особенно на Ильменском севере, никогда не нуждалась, или не была способна, или те же европейцы ей препятствовали разводить с Европой самостоятельные торги. Нам кажется, что последнее обстоятельство было главнейшей причиной нашей неподвижности в сношениях с Европой, по крайней мере со времени устройства Ганзейского союза. До того времени сами новгородцы хаживали по всему Балтийскому поморью, и между прочим в Данию. Но до того времени на Балтийском море господствовали варяги-славяне, родные люди этим новгородцам.

Итак, не нужды Русской страны, а нужды Балтийского моря должны были возродить на нашем Севере не только Новгород, но и все другие города, стоявшие на торговых перепутьях. Новгород вырос как колония всего Балтийского поторжья, которое главным образом сосредоточивалось на южных берегах моря, особенно в юго-западном его углу, где и впо-

следствии процветали Любек и Гамбург. Новгород не мог быть колонией шведов, норвежцев, англичан, датчан; их торги, взятые в совокупности, никак не равнялись торгу из немецких земель, т. е. с самого материка Средней Европы, обширные и разнообразные потребности которого постоянно создавали и развивали балтийский торг, открывали себе новые пути, учреждали свои колонии и на нашем далеком севере. Такой колонией, и самой сильной, возродился и наш Новгород.

До Ганзейского союза, когда южнобалтийский, или в собственном смысле европейский, торг находился по преимуществу в руках балтийских славян, то и наш Новгород естественно был их же колонией, как и после он стал главной конторой немецкой Ганзы, принявшей его по наследству от славян.

Как Петербург вырос на своем месте из внутренних потребностей Русской страны, так в свое время и Новгород вырос из торговых потребностей всего Балтийского моря, всей Балтийской страны. По этой причине он и в Ганзе остался главным средоточием восточнбалтийского торга. Он упал тогда, когда совсем изменились пути и ходы европейской торговли.

Таково было происхождение Новгорода. Мы также знаем, что первыми открывателями и заселителями нашего финского севера были люди, называемые словенами, так должно заключать по имени новгородцев, издревле называвшихся словенами в отличие от других русских племен. Но как и откуда они принесли это имя, когда по показанию географии II века по Р. Х. оно является старейшим в славянском мире? Могло ли оно родиться в самом Новгороде или принесено из Киевской стороны? В этом случае имя объясняет самую историю города.

Спустя 300 лет после Птолемея мы получаем сведения, что именем славян в собственном значении прозывается западное их племя, о чем ясно засвидетельствовал византиец Прокопий, говоря о переселении с юга на север герулов через славянские земли.

Можно с достоверностью предполагать, что имя *словенин* появилось само собой в одно время с именем *немец* и в той именно стране, где славянское племя жило более или менее раздробленно и тесно перемешивалось с чужеродцами по преимуществу германского племени, так как слово *немец* в славянском мире осталось навсегда исключительным наименованием германца. Выражение *словый* должно было отмечать людей, понимающих друг друга, говорящих на понятном языке, в отличие от немых, немотствующих, иноязычных, которых понимать невозможно. Так это имя *словенин* объясняли еще ученые XVI века, и это объяснение, говорит сам Шафарик, основательнее и вероятнее всех других⁴². По нашему мнению, оно вполне достоверно. Оно распространилось не из одного какого-либо места, как имя этнографическое или географическое; оно появлялось повсюду, где словене пребывали в смешанной среде разных чужеродцев, где они селились с ними вперемежку.

По той же причине и земли с именем Словиний возникали в одно время в разных местах и обнаруживали только население *словых*, словесных людей, как понимали это славяне.

Там, где существовало сплошное славянское население рядом со сплошным же населением инородцев того или другого языка, — в этом имени для различения народностей не было надобности. Всякий прозывался именем племени или именем места, страны. Но где разноплеменные и, главное, разноязычные люди были перепутаны своими поселками, как это случалось на западных окраинах славянского мира, посреди германцев, кельтов, греков, римлян и т. д., посреди многих немотствующих, там и должно было утвердиться обозначение всех одноязычных именем *словый*, словенин.

Писатели VI века Иордан и Прокопий уже ясно разделяют древних венедов на две ветви, из которых западную именуют славянами, а восточную, русскую, храбрейшую,

⁴² Шафарик. Славянские древности. Т. II. Кн. 1. С. 67, 72, 73.

антами. О той и о другой ветвях они говорят, что их поселения занимают к северу неизмеримые пространства, покрытые болотами и лесами. Видимо, что прозвание «словый» гораздо древнее этого времени. Оно непременно сокрылось в германском имени Suevi, у Павла Диякона в одном месте – свовы, как и у Птолемея свовены, которое по латинскому написанию еще в I веке принадлежало северо-восточным германским племенам, в числе которых многие являются потом чистыми славянами. По этой причине и имя славян более употребительным остается между славянами Балтийского поморья. Быть может, отсюда по преимуществу и разносилось имя славян в южные места, когда вследствие борьбы с германством славяне переселялись даже и в греческие земли. По всему вероятно, таким путем утвердилось и местное прозвание особой земли в пределах Македонии, к северу от Солуны⁴³, названной уже в VII веке Славинией. Здесь впервые появилась и славянская грамота, распространившая это особое местное имя славян уже на весь славянский род.

Можно полагать, что македонские славяне составились вообще из славянских военных и торговых дружин, с незапамятных времен приходивших в Грецию и от Балтийского моря и из наших сторон. Славянское имя осталось за ними, несомненно, по той причине, что оно уже в VI веке употребляется на Западе, как общее для всей западной ветви.

Но в то время как это имя постоянно разносилось в свидетельствах VI, VII и VIII столетий о западных и южных славянах, на востоке оно совсем не было известно. Птолемеи ставаны-славяне промелькнули как бы падучею звездой и тотчас скрылись от глаз истории.

Об этом самом древнейшем и самом северном имени славян можно, однако, сказать, что славянское киевское племя, встретившись на Ильмене с инородцами, необходимо должно было обозначить себя именем славян. Но в таком случае оно должно было обозначать себя этим именем и по всем украинам нашей равнины, повсюду, где встречало инородцев. И во всяком случае, так прозывать себя между инородцами могли именно те люди, в сознании которых уже глубоко коренилось убеждение о единстве их породы и их родового имени. Между тем никто из живших у Днестра и Днепра не прозывался таким именем, если не упоминать о скифах, сколотах-слоутах, в которых не хотят верить, что они могли быть славяне, и если не предполагать, что эти сколоты первые удалились в новгородские пределы. Для Киевской стороны славянское имя так было несвойственно, что начальный летописец даже и в XI столетии почитал необходимым усердно и настойчиво доказывать, что и древние поляне, а теперь зовомая русь были такие же славяне, как и все прочие.

Эти простодушные доказательства лучше всего и объясняют, что даже и в XI или XII столетии, когда составлялась летопись, на Руси еще не установилось сознание о всеобщности славянского имени. Лет двести раньше о таком сознании едва ли помышляли и те самые славяне, у которых впервые явилась кирилловская грамота. А эта самая грамота и была тем родным сокровищем для всего славянского мира, которое заставило и нашего летописца распространить славянское имя на все славянские племена и усердно доказывать, что и русь, как славяне, имеют все права почитать эту грамоту своею. В сущности, он доказывал, что славянский Восток, известный под другим именем, состоит в кровном родстве со славянским Западом, где славянское имя было общенародным, географическим. В середине X века Константин Багрянородный и наших кривичей, дреговичей, северян обозначает общим именем славян. Но византийцы стали обобщать это имя, несомненно, по случаю славянской же грамоты.

Очень многие указания заставляюсь предполагать, что наши ильменские славяне принесли свое имя тоже с запада. Древний летописец об этом прямо не говорит, как не говорит и того, что новгородцы пришли от Днепра, или пришли прямо от Дуная. Он ограничивается одним словом: «Седоша на Ильмене». Но он присваивает новгородцам варяжскую породу

⁴³ Совр. г. Салоники (Греция). (Примеч. ред.)

и отмечает, что радимичи и вятичи пришли в нашу страну от ляхов. Здесь дается смутное понятие, что ильменское население пришло хотя и от Дуная, наравне со всеми племенами, но варяжским путем через Балтийское море. Поздние летописные сборники начала XVI века ведут новгородских славян прямо с Дуная, но через Ладожское озеро и оттуда же к Ильменю, что оставляет в своей силе коренное представление, что они пришли с Балтийской стороны. К тому же вслед за повестью о расселении славян в Русской стране летописец тотчас описывает варяжский путь мимо Новгорода и Киева, вокруг всей Европы, как бы указывая проторенную дорогу, по которой и происходили переселения к нам славян-варягов.

В этом случае более надежными свидетелями могут быть не одни прямые указания письменности, но также имена земли и воды. Всегда переселенцы в новой стране сохраняют свои старые имена – или родовые и личные, или местные, географические.

Как на западе Европы балтийские славяне повсюду в своих поселках оставляли по себе имя венедов, венетов или виндов, так и в нашей равнине они оставили память о своих поселениях в имени Славно, Словянск, Словогощ и т. п. Первое имя давали им германцы и кельты, оно шло от енетов Трои, вторым сами они стали прозывать себя и тем обозначали свое западное происхождение, свое соседство с западным европейским миром. Приходя в нашу страну из страны поморской между Вислой, Одером и Лабой, где, неподалеку от Вислы, с запада и с востока, существовала особая земля Славия, Славно, они необходимо приносили и к нам свое земское имя. На Нижнем Немане литовцы называли их шлаунами, шлаванами, шалаванами, на латыни скаловитами. И здесь, как мы видели, у них был городок Салавно, Славно. И до сих пор по всей Литовской Пруссии, уже вполне онемеченной, еще рассеяны подобные имена вместе с другими, не оставляющими никакого сомнения в том, что Венедский залив недаром носил свое имя, обозначая племя славянское.

От главного города здешней Славонии, Рагнеты, на 40 верст⁴⁴ к востоку, на левом притоке Шмона, Шешупе, находится селение Словики против селения Визборинена, а отсюда за Неманом к северу верст на 50 стоит очень древний город Россиены на правом притоке Немана, Шешуве.

Дальше вверх по Неману встречаем Венцлавишки, Богослов – Богословенство.

От города Ковнонеманская дорога вверх по реке круто поворачивает и идет прямо на юг до Гродно, огибая великие пущи, посреди которых и начинается упомянутая река Шешупа. Здесь с левой стороны в нее впадает река Рось, а с правой – Давина. Вблизи этого места упоминается в старых записях река Слованка⁴⁵, а теперь к западу от города Пренна и Олиты находится селение Слованта, иначе Шалаванта у одного озера, и рядом – Пилаванты. Несколько к северо-западу – Пошлаванцы и Пошлаванты. Эти имена достаточно обнаруживают, что уголок был славянский.

Верстах в 25 к юго-востоку от Славанты находится Мирослав, а против него в 10 верстах на правом берегу Немана – Неманайцы, селение, достопамятное преданием, что в этом месте вождь каких-то пришельцев из-за моря, Неман, получил божеские почести от литовцев и основал город в X веке⁴⁶. В 25 верстах к северу от Неманайцев – Словенцишка у озера Дауги, а в 15 верстах к юго-востоку – Руска Весь. Против тех же мест, на западе, на другом, левом берегу, южнее Мирослава – Шлаванты, Русанце. Не ясно ли по именам мест, какие это были заморские пришельцы в эту Литовскую сторону. «Предания, – говорит Нарбут, – существующие от времен глубочайшей древности над Нижним Неманом, беспрестанно толкуют о каких-то мореходцах, прибывших в сию реку из стран далеких». В устьях Немана

⁴⁴ Около 42,5 км (верста равна 1,06 км). (Примеч. ред.)

⁴⁵ Ревизия пущ и переходов звериных в Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867. С. 39.

⁴⁶ Семенов. Географ. – статист. словарь Российской империи. СПб., 1867; Нарбут. Слово Неманайце // Догадки о древних литовцах. Северный архив. 1822. № 6.

были Славония и Русия, и здесь в среднем его течении те же предания сопровождаются теми же именами.

Дальше, все поднимаясь вверх по Неману, находим город Гродно, от которого неманская верховая дорога поворачивает круто на восток. В окрестностях Гродно, в 30 верстах к юго-западу, обращает на себя внимание река Сокольда (не источник ли для имени Аскольда?), впадающая в Супросль, приток Нарева или Нарова, вблизи которой и Нурская сторона, и реки Нур, Нурчик, Нурец.

В 40 верстах выше Гродно в Неман впадает слева река Росса, текущая от юга к северу с возвышенности, с которой берет начало Нарев, текущий к западу в Буг и с ним в Вислу, и Ясельда, текущая к юго-востоку в Припять. На Россе заметим городок Россу. Вершина Россы почти совпадает с вершиной Яселды, следовательно, здесь мог существовать переволок из Немана в Днепр по Припяти.

Как известно, верх Немана в окрестностях Минска приближается к притокам Днепровской Березины. Но неманская дорога к Днепру была очень крива, а потому длинна и обходиста. На перевал из Россы в Яселду путь тоже был очень длинен. Несравненно прямее была дорога по северному притоку Немана, по реке Вилие⁴⁷, впадающей в Неман у города Ковно. Вилия направляется в Неман почти прямо с востока на запад и притом почти от верха Березины. Промышленники венды – славяне, по-видимому, здесь и искали более прямого пути к Черному морю. Между верховьями Вилии, Березины и Немана мы находим довольно обширный и, быть может, после неманского самый древнейший поселок славянского имени. Здесь, к одной стороне, в Вилию впадает река Двиноса, а к другой – в Березину река Гайна. В верховьях Двиносы находится местечко Плещеницы, а от него в 20 верстах, в верховьях Гайны, стоит Логойск, древний город, теперь тоже местечко. Почти на середине между этими поселками на переволоке и доселе существует село *Словогощ*, явно показывающее, какой народ переваливал здесь с Балтийского моря в Черное. Явственно также, что, еще не добираясь до Двиносы, славяне двигались к этому Словогощу и сухим путем, почему на дороге между Вилией и Гайной находим два селения *Стайки*.

На этой же речной высоте, откуда во все стороны протекают небольшие речки и где находятся города Радошковичи и Минск, берет, между прочим, начало небольшая река Березина, другая, не Днепровская, а приток Немана, впадающая в него справа, с севера. На этой Березине стоит теперь местечко *Словенск* – древний город, окруженный именами мест, которые знакомы нам из Новгородского землеслова: Неров, Неровы, Холхло, Доры, Шевец, Воложин, Волма, Витковщизна. Притоки Березины: реки Воложина, Исlochь, Волма, Войка.

Против впадения Березины в Неман, на левой его стороне, заметим уездный город Новогрудок, некогда столицу литовских князей; а в 40 верстах к юго-западу от Новогрудка место Ишкольд (Искольд, опять имя, равное Аскольду). Это не далее 80 верст к югу от Словенска. На север от него в 30 верстах находим селение Словиненту (по карте Шуберта – Вен-Славененты). Еще выше к северу на 30 верст находим селение Славчину, выше которой в 5 верстах протягивается от юга к северу долгое озеро Свирь, переволочка в реку Одер.

От города Словянска, на Неманской Березине, почти в прямом направлении к востоку в 90 верстах существует, как мы упомянули, Словогощ; отсюда в 35 верстах город Борисов на Днепровской Березине, быть может, родоначальник имени Борисфена – Днепра. От Борисова в 75 верстах прямо на восток *Словени* в верховьях реки Бобра, березинского притока; дальше к востоку еще в 50 верстах Славяня, слева от Днепра у Шклова; еще дальше в 50 верстах в том же направлении – *Славное* в верховьях Прони. Затем следуют города Мстиславль,

⁴⁷ Вилия по-литовски именуется Нерис, Neris, Nirge (*Афанасьев*. Материалы для географии и статистики России, Ковенская губерния. С. 75).

Рославль⁴⁸. Если этими именами могут обозначиться, так сказать, шаги словен в их хождении и расселении по нашему Северу, то они же указывают и направление главной дороги от устья Немана, и те местности, где расселение как бы останавливалось, сосредоточивалось, утверждалось в избранной столице на пребывание более или менее продолжительное. По всей видимости, такой местностью, после Словонии на Нижнем Немане, был Словянск на Неманской Березине, или вообще речная высота около вершин Немана, Вилии и Днепровской Березины, где стоит, как мы упоминали, древний город Минск, вблизи которого в 7 верстах к востоку, есть тоже селение *Словцы*. Очень вероятно, что Птолемей, указывая своих ставан, имел в виду этот самый Принеманский угол славянских жилищ, потому что он упоминает о ставанах сейчас после галиндов и судинов, которые несомненно оставили свои имена в древнепрусских областях – Галиндии и Судавии, соприкасавшихся со средним течением Немана, между Ковно и Гродно⁴⁹.

Дальше к востоку жили скифы-алауны, знатный народ всей Сарматии. В то время, вероятно, так прозывались наши восточные славянские племена. О других народностях в этой местности историческая этнография не оставила никакой памяти. Но указание Птолемея, что ставане жили до алаунов, дает полное основание распространять их жилище от Верхнего Немана и до самого Новгорода, где народное имя славян не стерлось временем и где сохранялось самое могущественное и сравнительно уже позднее сосредоточение славянского населения.

По всему вероятно, занятие славянами Ильменской стороны произошло из того же неманского угла, т. е. внутренними речными дорогами, но не обходом по морю. От верха Днепровской Березины течет в Двину река Ула. В 25 верстах на запад от ее впадения находим, ниже Полоцка на 30 верст, селение *Словену* при озере. От Улы к верховьям Двины дорога идет до Сурожа, где в Двину впадает река Усвячь, текущая из озер Усвята и Усменья, а от этих озер в 5 верстах протекает Ловать к городу Великим Лукам, мимо погоста *Словуя*, при озере, на левом берегу, и потом *Кулуя*, на правом. На этом самом пути в новое время предполагали провести канал. Река Ловать, или Волоть, Ловолоть, уже прямо напоминает Волотов, да и все курганы в этой стороне именуются *волотоуками*.

Проплывши по Ловати и по Ильменю до Волхова, словены и здесь отыскивали самое выгоднейшее место для поселения в новгородском Славне, которое лежит между истоком Волхова и впадением в Ильмень реки Мсты, открывавшей путь через Вышний Волочек в Тверцу и Волгу, и дальше через Нижний, или Ламский, Волок в реку Москву, в Рязанскую Оку и на Верхний Дон.

Но словены не миновали и Чудского озера. Древний Изборск стоял на *Словенских Ключах*, и самое имя города, которое мы слышали еще на Немане (Визборинен, Визбор под Россиенами), сходно с болгарским Извор, что значит родник, источник⁵⁰.

Затем, Псковская летопись, выражаясь о Триворе, что он «седе в *Словенске*», указывает, что и самый Изборск именовался некогда Словенском. Теперь о Словенских Ключах не помнят, но указывают вблизи города поле Словенец. Отсюда ясно, что призывавшая князей чужь была сильна и знатна только потому, что над нею сидели словены. То же самое должно сказать и о белозерской веси.

От Новгорода к Белоозеру⁵¹ не было прямой дороги. В обход по озерам Ладожскому и Онежскому и реками Свирью, Вытегрой и Ковжей был путь далекий и притом вначале вовсе

⁴⁸ Также: Старые Словени на реке Жарне, впадающей в Соложу, рядом Новые Словени близ впадения Соложи в Десну, а от верха Соложи до верха Угры 2 или 3 версты.

⁴⁹ В первой части нашего труда мы напрасно делали догадку о Птолемеевом имени *судины*, означая его именем чуди.

⁵⁰ Русской исторический сборник. Т. III. С. 160.

⁵¹ Совр. г. Белозерск на берегу озера Белого.

не известный. Поэтому первые словени могли попадать на Белоозеро только посредством лесных рек и многих переволоков. Древнейшая, или одна из первых, дорог, по-видимому, шла Мстой, до волока Держковского, пониже Борович; отсюда частью переволоками, частью реками в реку Шексну. По прямизне это была самая ближайшая дорога. Но зато название волока *Держков* уже показывает, сколько было здесь затруднений, остановок, задержки. По сторонам этого пути, наверху рек Колпи и Суды находим озеро *Славное*, а в Боровичском уезде – *Славню* на реке Иловенке и две-три *Славы*.

Другая более удобная дорога проходила вниз по Волхову Ладожским озером, поворачивая в реку Сясь, потом южнее теперешнего Тихвинского канала рекой Воложей и волоком *Хот-славлем* к Смердомле и в Чагодашу. В окрестностях волока у Воложи находим село *Славново*, а у реки Смердомли – *Славню*.

В Белоозеро надо было плыть вверх по Шексне. По всему вероятно, самое это озеро, как узел словенской торговли в пределах веси, стало известным и знаменитым не само по себе, а больше всего потому, что оно находилось в центре сообщений ильменской и при-волжской сторон с заволочской чудью, пермью, печерой, югрой и с Ледовитым морем.

Здесь, между Белым и Кубенским озерами, существовал небольшой волок, легко соединявший упомянутые водные пути. Этот волок и запечатлен именем первых его открывателей – словен.

Направляясь вверх Шексны и не доходя Белоозера, словени поворачивали вверх по реке *Словенке*, вытекавшей из озера *Словинского* (теперь Никольское). С озера к северу шел пятиверстный волок в реку Порозовицу, которая течет в озеро Кубенское, а из Кубенского течет Сухона, составляющая от соединения с рекой Югом Северную Двину. Этот самый волок и прозывался *Словинским Волочком*. Какой народ в древнее время ходил в белозерских краях, указывают имена тамошних волостей: Даргун, Комонев, Лупсарь⁵². Это самые дорогие и очень древние свидетельства о колонизаторских путях балтийского славянства.

Не забудем, что и сообщение с Финским заливом на Нижней Неве также обозначено славянским именем, рекой *Словенской*, Словенкой, текущей в Неву рядом с Ижорой. Последняя, по всему вероятно, родня по имени князю Игорю⁵³.

В южном краю от неманского пути, в долине Припяти, точно так же встречаем имя славян в селении *Словиске*, между озером Споровским, через которое проходит поток Яселды, и рекой Мухавцем, впадающим у Бреста, древнего Берестия, в Западный Буг. Этот Словиск стоит, следовательно, на перевале, соединяющем водные пути Балтийского и Черного морей, где, как при всех других словенских местах, проходит теперь канал (Королевский⁵⁴).

Это наверху Припяти. Внизу ее один из значительных левых притоков носит имя *Словечны*, в него впадает речка *Словешишка*. Отсюда выше к северу, при впадении Березины в Днепр, есть озеро *Словенское*.

Предание о пришедшем из-за моря Туре, или Турые, сидевшем на Припяти в Турове, отчего и туровцы прозвались, как говорит летопись, по всему вероятно, – предание очень древнее.

Летопись поминает о нем мимоходом, говоря о полоцком Рогволоде, и объясняет, что и тот и другой пришли в нашу страну сами собой, независимо от Новгородского призвания; но в какое время, об этом она умалчивает. Имя Туро упоминается Иорданом при описании событий III века.

⁵² Акты археографической экспедиции. Т. I. С. 35, 53, 92, 198; Т. II. С. 68, 71; Акты исторические. Т. I. С. 308, 309; Акты юридические. С. 12, 23; Описание документов и бумаг архива Министерства юстиции. Кн. I. С. 12–14. Упомянутый волок *Держков* – также имя соответственное вендскому – Держков. *Первольф*. Германизация балтийских славян. С. 195, 216, 230.

⁵³ Новгородские писцовые книги. Т. III, Переписная книга Вотской Пятины // Временник Общества истории и древностей. Кн. VI. С. 349, 370, 399 и др.

⁵⁴ Совр. Днепровско-Бугский канал. (Примеч. ред.)

Можно полагать, что имя словен в долине Припяти обозначает переселения из-за моря дружин этого Тура.

Но примечательнее всего то обстоятельство, что словенское имя является повсюду, где только открывается связь водных сообщений. Сейчас мы упомянули о Словиске, возле которого теперь существует Королевский канал. У Березинского канала существует древний Словогощ; у Тихвинского канала – волок Хотьславль, Славково, Славня; белозерский Словинский Волочок, Словинское озеро и река Словянка составляют канал Герцога Вюртембергского⁵⁵ – предполагавшееся соединение Двины с Ловатью идет мимо Словуя.

Все это показывает, в какой степени древние славяне были знакомы со всеми подробностями топографии на всех важнейших перевалах в водных сообщениях. Там, где эти древние знатоки нашей страны не указали своим именем возможности легкого водного сообщения, там и новые попытки Ведомства путей сообщения вполне не удались, как, например, случилось с каналом из Волги в Москву-реку через реки Сестру и Истру.

Все эти поселки с именем славянским мы относим к давним промысловым и торговым походам по нашей стране прибалтийских славян, отважнейших моряков своего времени. Их история не записана или записана иноземцами уже в позднее время, когда она совсем оканчивалась. Немудрено, что об их связях с нашей страной нет прямых документальных свидетельств. Но совокупность преданий о волотах, о приходе заморцев, преданий, которые рассказываются теперь на Немане, рассказывались в X веке на Камской Волге, откуда записаны арабами, преданий, о которых рассказывает и наш летописец, говоря о приходе от ляхов радимичей и вятичей и из-за моря самых варягов, а вместе с преданиями разнесенное по всем местам, где только находились важнейшие узлы сообщений, славянское имя, сопровождаемое именем тех же волотов, – все это разве не составляет свидетельства более ценного, чем какое-либо показание старого писателя, вроде Тацита или Плиния, иногда вовсе не имевшего надлежащих сведений о том, о чем приходилось ему писать. Здесь говорит не случайно помянутое имя, не мертвая буква, а живой смысл древнейших отношений страны.

Нам скажут, что славянское имя в этом случае ничего не значит, что славяне, конечно, повсюду прозывали сами себя славянами. Но мы уже говорили, что по несомненным свидетельствам истории это имя возникло и стало распространяться только на западной окраине славянского мира.

Если, как толковал Суровецкий⁵⁶, имя славянской восточной ветви *анты* значит то же, что венеты, венды, и если наши вятичи есть только русское произношение носового *венты*, *венды*, то этим именем *анты* лучше всего и подтверждается, какое племя в нашей стране в VI веке было руководителем всех набегов на византийских греков. Эти вятичи-анты, эти унны-ваны, эти роксоланы, росоланы, росомоны, а в конце концов этот русс, рос, по преданию тоже пришедший из-за моря, – все это имена балтийских вендов, и все эти показания и намеки истории могут утверждать только одно: что в стране, в течение веков и целого тысячелетия, руководили действиями живших в ней народов и давали им свое имя пришельцы из-за моря, от заморских славян.

Нам кажется, что особым именем *словенин* в Русской стране прозывался хотя и славянский по родству, но все-таки иной народ, отличный от туземных племен. Иноземное имя, народное, племенное или родовое, как и местное, географическое, появляется вообще в таких местах, где пришелец по известным причинам должен отличать себя от остального населения, или где это самое население неизбежно обозначает свойственным именем пришедшего нового поселенца. Очень трудно объяснить, по какой бы причине славяне посреди своей славянской земли стали бы прозывать свои поселки славянскими. Только смешение

⁵⁵ Совр. Северо-Двинский канал. (Примеч. ред.)

⁵⁶ Суровецкий. Исследование о славянах // Чтения Общества истории и древностей российских. 1846. № 1. С. 11.

с инородцами или встреча с ними бок о бок заставляет человека определять своим именем свой род и племя или свою страну, откуда он пришел. Откуда кто приходит, оттуда и приносит себе имя и свой топографический язык. Имена мест обоих материков Америки лучше всего расскажут, откуда, из каких именно земель, городов, городков и даже сел приходили туда новые поселенцы.

На нашей равнине имя словен больше всего разносится по северо-западному краю именно по тому пути от устьев Немана до Верхней Волги и до Белоозера, с поворотами направо и налево, который мы проследили выше. Здесь жили дреговичи и кривичи, а ко Пскову, Новгороду и Белоозеру – чудь, водь, весь. У этих финских племен, как и у первобытных неманцев, понятно появление на местах славянского имени, если б славяне пришли даже и от Днепра. Но как объяснить его появление у древлян на Припяти, у дреговичей, у кривичей на Двине, Верхнем Днепре и Верхней Волге, у таких же славян по происхождению? Мы это объясняем теми же причинами, какие заставляли неманцев и финнов называть приходивших к ним людей не полянами, древлянами или северянами, не дреговичами и кривичами, а именно словенами (или ванами у чуди), потому что эти славяне приходили к ним из собственной словенской земли, которая так прозывалась по преимуществу только у славян балтийских.

Говорят еще, что топографический язык одинаков у всех славян и повсюду в славянских землях можно отыскать сходные имена, которые поэтому ничего, никаких переселений доказывать не могут.

Действительно, этот язык одинаков, насколько одинакова славянская речь и славянский разум слова; но если и эта речь распадается на множество наречий, весьма различных, отделяемых даже в особые языки, то естественно, что и топографически язык каждого славянского племени должен кроме общих основ иметь свои частности, свой местный облик, так сказать, свои областные слова. Свойства местности, иное небо, иная земля, а потому и иной род жизни, иная история всегда кладут достаточное различие в употреблении тех или других имен земли и воды, как и имен личных; всегда там или здесь мы встречаем особенные излюбленные имена, которые употребляются чаще других и тем обнаруживают отличие одного племени от других родных же племен. В Польше и на Руси, например, княжеские имена так различны, что одно такое имя (Болеслав, Казимир, Владимир, Ярослав) тотчас дает понятие, к какой народности оно должно принадлежать.

Так и в именах мест: белозерская волость *Даргун*, конечно, ближе напоминает Вагорскую область или тоже волость Даргун и вообще ободритские имена мест и лиц, сохраняющие в себе слово *дарг*, чем такие же имена других славянских племен, произносящих это слово как *драг*, или, по-нашему, *Дорогобуж*. И в этом слове *буж* (бог) тоже слышится звук балтийского славянства. Подобным образом и новгородский древний погост *Прибужье* на реке Плюсе, к востоку от города Гдова, скорее всего, получит объяснение в западном же славянстве.

Новграды встречаются во всех славянских землях, но почему в нашей равнине они встречаются в особом количестве и почему один из самых старейших наших городов носит имя Новгород, а не Старгород, как у вендов, где, напротив, особое количество встречается именно Старградов⁵⁷? Это показывает только, что наша славянская, а именно северная, ильменская старина есть нечто *новое* в отношении старины вендов, у которых история уже оканчивалась, когда наша только начиналась.

Это нечто *новое*, озаменованное постройкой *нового* города, заключлось в новой почве для старых деяний той предприимчивости, наименее военной, разбойничьей, норманнской,

⁵⁷ До сих пор существуют: Старгард пониже Данцига, Старгард с востока от Штеттина, другой с запада, Старгард-Ольденбург и пр.

и наиболее промысловой и торговой – вендо-славянской, которая искони выходила к нам от балтийского славянства и которая, как родовой облик, просвечивает во всех лицах и событиях начальной нашей истории.

С именем первого же князя Олега она является уже исторической силой и, можно сказать, мгновенно создает из разрозненных земель и племен народное единство. Притом она является в полном смысле народной силой и основывает свое могущество не на одном мече завоевателя, но главным образом на торговом договоре с греками. А это лучше всего и обнаруживает, что прямым источником ее происхождения были торговые потребности страны, но не завоевательные потребности пришедшей военной дружины. Одним словом, в самом начале нашей истории, в самом первом ее деянии, каково изгнание и призвание варягов, мы встречаемся с предприятиями народа, ищущего хорошего и выгодного для себя устройства не одних домашних дел, но и сношений с соседями. Призванная дружина является только орудием для достижения этих основных целей народного существования. Таким образом, уже в самом начале истории чувствуется присутствие какого-то невидимого, но сильного деятеля, направляющего ход дел по своему разуму. Этим деятелем и была промысловая община или город как новое начало жизни, уже достаточно развитое и могущественное, распространенное по всей земле. В этом-то деятеле и скрывается наша истинная история, которая неизменно продолжалась и в последующие века также невидимо, закрытая неугомонным, но для страны бедственным шумом княжеских мелких дел, старательно изображаемых летописью и принимаемых нами за голос самой всенародной жизни.

Великим и могущественным типом промыслового города в течение всей нашей древней истории является Новгород. Он же был и зародышем нашей исторической жизни. Мы думаем, что вместе с тем он был полным выразителем тех жизненных бытовых начал, которые с течением веков постепенно нарастали и развивались от влияния проходивших через нашу равнину торговых связей. Он был славным детищем неизвестной, но очень старой истории, прожитой Русской страной без всякого так называемого исторического шума.

На исторической почве всегда вырастает лишь то, что скрывается в недрах земли – народа. На нашей исторической почве к самому началу наших исторических деяний выросло гнездо свободного промысла. Ясно, что оно могло вырасти только из тех же промысловых семян, какими с давних веков была засеяна окружающая земля. Другие семена возрождали другие формы быта. Черноморские украинцы ничего не могли произвести, кроме казачества, кроме Запорожской Сечи или донских городков, составлявших тоже своего рода осеки, сечи. Вообще мы думаем, что Новгород есть не только потомок вендо-славянских балтийских городов, но и могучий образ той славянской промышленной старины, которая в свое время была высотой славянского развития и славянского могущества на Балтийском же море.

Русская словенская область, пределы которой хотя и не в полной точности обозначены летописью, по случаю призвания и прихода варягов, и запечатлены словенскими именами земли и воды, должна вообще обозначать господствующее положение в ней древнейших пришельцев, балтийских славян. По всей видимости, они овладели страной не военными походами, а настойчивой мирной торговой промышленностью, причем, конечно, пускался в дело и меч, но как единственное средство добиться или свободного прохода в какой-либо угол, или свободного поселения на выгодном месте, или как отмщение за нанесенные обиды. Следов прямого военного занятия, завоевания земли и самодержавия над землей нигде не примечается. Словени живут как союзники, как равные и между собой, и с племенами чуди, веси, мери, муромы. Завоевание необходимо внесло бы начало феодальное, начало личного господства и над землей, и над людьми. Между тем такого господства даже и в призванных варягах нигде не видно. Напротив, очень заметно отношение к земле самое первобытное, как к обширному Божьему миру, в котором место найдется для каждого.

С другой стороны подобные, главным образом только союзные отношения к стране показывают, что первобытная славянская колонизация распространялась в нашей стране мало-помалу, расселяя повсюду только свои промыслы и торги, для которых важнее всего другого было не владение землей по феодальному порядку, а владение путями сообщений и именно свободой этих сообщений, равно как и бойкими рынками, необходимо возникавшими на этих путях. Весь смысл первобытного отношения к земле приходивших в нее словен выражается в имени *Словогощ*, что значит: словенская гостьба-торговля.

Такой торговлей балтийские славяне могли легко властвовать над туземцами и славянского, и финского племени, как необходимые и дорогие люди, способствовавшие лучшему устройству жизни, доставляя все надобное, без чего нельзя существовать, в обмен на произведения страны, которые можно было добывать в изобилии.

С этой точки зрения особенного внимания заслуживают имена мест, составные со словом *гость-гощ*, каких в древней Новгородской области встречается больше, чем где-либо⁵⁸. По всему вероятно, это древнейшие памятники местных торжков, которые в дальнейшем развитии усваивали себе уже общее нарицательное имя погоста, дающее намек, что и самое хождение гостьбы могло именоваться *погостьем*, как другое хождение именовалось *полюдьем*.

Славянское имя, разнесенное по стольким углам нашей страны, раскрывает довольно явственно, что повсеместной гостьбой с особой настойчивостью занимались не другие племена, а именно словени. Этот род занятия принадлежал им исключительно и составлял как бы особенную черту их племенного характера. По-видимому, в народном быту имя *словенин* значило то же, что теперь у нас на юге значит *крамарь*, а на севере *варяг*, *офень* – мелочной бродящий по деревне торговец, с тем различием, что в древности такой торговец странствовал не одиноким, а целой ватагой, артелью, как, впрочем, случается и теперь и как, например, в свое время странствовали скоморохи, однажды взявшие приступом даже целый город⁵⁹.

Вот по какой причине и другое имя пришельцев, *варяг*, быть может, с большим правдоподобием можно толковать, как толковал Ф. Круг, именем скорого и борзого путника, ходока, борзого пловца, дромита-бегуна, как понимали и переводили это имя и греки.

В областном языке, в котором сохраняется много слов глубокой древности, *варяг* значит мелочной купец, разнощик (моск.), кочующий с места на место со своим товаром, составляющим целую лавку; *варять* значит заниматься развозной торговлей (тамб.); *варяжа* (арханг.) значит заморец, заморье, заморская сторона; *варяги*, *варяжки* (новгор.) значит проворный, ловкий, острый, «может быть, памятник того понятия, какое в старину имели об удалцах норманнских», – говорит Ходаковский, совсем забывая, что существовали на свете и удалцы балтийские славяне. В середине XVI столетия в Новгороде, в числе разных ремесленников и промышленников, проживали также люди, которых обозначали именем *варежник*. Вероятно, это значило то же, что ходящий, странствующий торговец⁶⁰. Такова народная память о значении слова *варяг*.

⁵⁸ Вельгощ, Видогощ, Гостибицы, Гостивицы, Гостимичи, Давигощ, Жилогость, Ирогоще, Любогощ, Моглогость, Негостицы, Радогостицы, Утрогощ, Угоща, Ходгостицы, Чадогоща, Югостицы и мн. др. См. Неволлина: О Пятинах Новгородских.

⁵⁹ Взят был Кай-город // Древняя российская вивлиофика. Кн. VI. С. 365.

⁶⁰ Перепись новгородских дворов второй половины XVI века, список 1822 года, принадлежащий нашей библиотеке. «На Щурове улице – место пусто тяглое Прошковское Нефедова *Варежника*, и Пронка умер в 67 году, длина 15 с. поперек 6 саж. М. пусто тяглое Пахомовское Мартынова *Варежника* и Пахомко умер 66 году. М. пусто тяглое Ондрюшкинское *Варежника* и Ондрюшко умер в 68 году». При этом переписатель рукописи, некто Сергей Вындомский, заметил следующее: «Что бы такое означало слово *Варежник*, я недоумеваю. Но не варяги ли значилося? Замечание переписателя С. В.».

В древнем языке *варяти* значило ходить, предупреждая кого, ускорять ходом, предидти, перегонять, перестигать, упреждать; в существенном смысле – ходить скоро, борзо. Могла ли отсюда образоваться форма *варяг*, должны решить лингвисты⁶¹.

Тот же смысл предварителей остается за варягами и в древнерусском ратном деле. У первых князей варяги всегда занимали передовое место, всегда составляли чело рати и первые вступали в бой – «варяжи переди», предваряли общую битву. Так продолжалось с лишком сто лет. Уже это одно передовое военное положение варягов дает много оснований к заключению, что и самое их имя действительно происходить от глагола *варять* – упреждать. Оно нисколько не противоречит и высказанному нами предположению, что так, от глубокой древности, могли прозываться балтийские славяне в качестве передового, самого крайнего, западного племени из всего славянства. Это тем более вероятно, что имя *варяг* только на Руси и было известно и из Руси перешло уже в XI столетии и к грекам, и к скандинавам⁶². Отсюда же, вероятнее всего, установилось и прозвание моря Варяжским. Но вместе с обозначением передового племени в русских понятиях именем *варяг*, как и именем *словенин*, обозначался и самый род жизни, свойственный этому племени, его неутомимая, повсюду ходящая промышленная торговая деятельность. Мы видели, что варяжничество, или хождение по нашей стране балтийских промышленников относится к глубочайшей древности, начинаясь еще с торговли янтарем. В торговом деле варяги были гости-пришельцы, неутомимые ходоки, ходебщики, которые сновали по нашей стране из конца в конец, первые прокладывали новые пути-дороги, первые появлялись в самых удаленных и пустынных углах страны, разнося повсюду свой торговый промысел, связывая население в один общий узел кругового гощения.

По всей видимости, уже с древнейшего времени это словено-варяжское гощение в нашей стране должно было представлять немаловажную образовательную силу, и именно общественную силу, которая мало-помалу связывала все разбросанные племенные части страны в одно живое целое. Уже в доисторическое время эта сила создала для всех отдельных углов Русской равнины общие интересы, общие цели и задачи, создала известного рода земское единство. Такое единство на севере существовало уже до призвания князей и выразило свою крепость именно в этом призвании. Только при помощи этого единства Олег мог перебраться в Киев, а потом поднимать всю землю в поход на Царьград. Призванные князья употребляют в дело орудие, давно созданное самим населением под влиянием беспрестанной и с незапамятных времен свободной гостьбы словен-варегов.

Страна была бедна городским развитием, пустынна и очень обширна, поэтому заезжий гость-купец, особенно на севере, всегда бывал дорогим лицом и во многих случаях истинным благодетелем. Что земля так именно ценила услуги купцов, это подтверждают древнейшие ее предания и уставы. Припомним сказание Маврикия⁶³ о славянском гостеприимстве или, в сущности, о льготах и заботах, какими пользовались в славянских землях заезжие торговые люди – гости.

Маврикий это говорит о славянах и антах, т. е. и о западной, и о восточной ветвях славян. Анты занимали безмерное пространство в нашей равнине, поэтому ограничивать сви-

⁶¹ При этом необходимо иметь в виду большое семейство старых слов с тем же окончанием – *яг*, таковы древние: княг, пеняг и, например, местные имена: Буряг, Лидяг, Сосняг, Березняг, Дубняг, Смоляж, Хотяж, Веряжи, Свитяж и др.; которые произносились и на – *ег* – Буреги, Березнеги, Соснег, Липнеги, Воротег, Варег, Тунег, Орлега, Вережа и пр. По всему вероятно, и имя «печенег» в первое время произносилось «печеняг», ибо в этом виде – пацинаки, пацинакиты – оно появилось у греков. В Северной стороне есть селение Печенюги. Вообще окончание – *яг* (-енг) родное русское, вовсе не заимствованное у скандинавов, как переделка их окончания – *ing*. См. г. Буслаева: О влиянии христианства на славянский язык. С. 163.

⁶² Журнал Министерства народного просвещения. 1874, ноябрь; 1875, февраль, март, статья Васильевского: «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков».

⁶³ См.: Забелин И. Е. Скифия и Сарматия. Гл. VI. (Примеч. ред.)

детельство Маврикия только одними придунайскими краями, как этого иные желают, мы не имеем оснований уже по той причине, что сама древняя география (Птолемея), описывающая нашу страну, не иначе могла быть составлена, как по указанию купеческих дорожников, т. е. бывалых в стране людей.

Припомним устав Русской Правды о преимуществах заезжего гостя в получении долгов, первому пред туземцами наравне с князем, что обнаруживает великую заботливость о выгодах, о безопасности гостя, идущую, конечно, из давних времен.

Припомним заботливость первых князей в договорах с греками, чтобы русские гости в Царьграде на целые полгода бывали обеспечены всяким продовольствием и даже баней, чтобы и на возвратном пути получали надобные корабельные снасти и т. п. В этом случае князья, конечно, требовали лишь таких обеспечений для гостя, какие от века почитались обычными и необходимыми и в Русской земле. Здесь выражались только обычные и обязательные уставы домашнего гостения. И в наше время странствующие торговцы – варяги на время своего приезда всегда получали от помещиков продовольствие и для коней, и для людей.

Заезжий гость, был ли то чужеземец или только иноселец и иногородец, во всяком случае являлся человеком бывалым и знающим, следовательно, необходимо приносил в замкнутый и глухой деревенский и сельский круг нечто просветительное, хотя бы это нечто ограничивалось немногими сведениями о других местах и других странах, откуда приходил гость.

Мы полагаем, что этим путем уже в историческое время доходили до летописцев все известия о случаях и событиях, происходивших очень далеко от тех городов, где писались летописи. Эту, можно сказать, образовательную сторону гостьбы очень хорошо понимали и древние князья. Мономах заповедует детям: «Больше других *читите гостя*, откуда бы к вам ни пришел, простец или знатный, или посол, если не можете дарами, то брашном и питьем, ибо те, мимо ходячи, прославят человека по всем землям либо добром, либо злом».

Нет сомнения, что Мономах говорил детям не новую заповедь, а утверждал между ними старый прапрадедовский и общеземский обычай доброго поведения с заезжими гостями.

Вот это самое распространение сведений о местах и людях по *всем землям* и являлось тем особым и дорогим качеством древней гостьбы, которое, по всему вероятно, очень способствовало развитию в населении сознания об однородности его происхождения и быта, о единстве его выгод в сношениях с далекими морями, и на Балтийском севере, и на Черноморском юге, и на Каспийском востоке. Только такими связями постоянной гостьбы объясняются и в последующей истории многие совсем неразгаданные или непонятные случаи, указывающие, например, что в Новгороде очень хорошо и всегда вовремя знали, что делается не только в Киеве или Чернигове, но и в далекой Тмутаракани. География и этнография первой летописи, конечно, могла составиться только при помощи тех же промышленных связей земли. По многим своим отметкам она носит следы более ранней древности, чем то время, когда составлялась наша первая летопись.

Если в отдаленной древности эти связи не распространялись так далеко, то, во всяком случае, они делали свое дело и на небольшом пространстве. По крайней мере, перед призыванием варягов они успели уже сплотить в один народный союз все окрестные племена в Новгородской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.